

ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

Клинком и сердцем

ТОМ 1
КНИГА 2

ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева

Клинком и сердцем. Том 1

«ИДДК»

2020

Соловьева Е. С.

Клинком и сердцем. Том 1 / Е. С. Соловьева — «ИДДК»,
2020 — (Королева Теней)

С Айлин Ревенгар говорят призраки, но они не могут подсказать ей, какой выбор сделать. Она леди, но отказалась от рода, магесса, но сбежала из Академии, чужая невеста, но оставила жениха, чтобы спасти... просто друга? Ни горящая столица, ни демоны в Академии не страшны лорду-протектору Грегору Бастельеро. Но Айлин исчезла вместе с последним из рода Дорвеннов, обреченным на смерть ради спасения королевства. Из этого путешествия может вернуться только один, и Грегору придется выбирать между сыном погибшего друга и своей единственной любовью.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Ужин у костра и завтрак под апельсинами	5
Глава 2. Недоброе утро	17
Глава 3. Лекарь Смерть	24
Глава 4. Оборвавшийся след	34
Глава 5. Выбор Грегора	43
Глава 6. Встреча с судьбой	56
Глава 7. Выбор Айлин	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева

Королева Теней

Книга 2

Клинком и сердцем

Том 1

Часть первая

«Пламя над столицей»

Глава 1. Ужин у костра и завтрак под апельсинами

Последний ночлег перед столицей у отряда Аластора случился в лесу. К вечеру д'Альбрэ стало совсем нехорошо. Его рука, подранная демоном, распухла так, что пришлось разрезать рукав камзола, а по смуглому лицу катился пот, который месьор старался незаметно смахивать.

– Пустое, – упрямо и раздраженно повторил он в ответ на беспокойство Аластора. – Всего лишь небольшая лихорадка. Мэтр Винс дал мне капли.

Аластор кивнул, но, когда солнце садилось, а до постоянного двора оставалось еще часа четыре пути, решительно свернул к опушке леса, мимо которой они как раз проезжали.

– У Искры что-то с копытом, – небрежно обронил он. – Лучше я здесь посмотрю и поправлю, чем она потеряет подкову и захромает к утру. Да и перекусить не помешало бы.

Против обыкновения месьор не отпустил обычную колючку насчет дорвенантских дорог, по которым можно ехать неделю и не встретить ни одного постоянного двора, не то что в благословенной Фрагане. Послушать бывшего бретера, так на его родине даже лесные ручьи текли не водой, а превосходным вином, перепела летали уже жареными, а все трактирщицы были юны и прекрасны. Однако сейчас д'Альбрэ молча покинул седло, зябко присел к торопливо разведенному костру, и полегчало ему только после капель мэтра Винса, которые фраганец щедро запил карвейном.

Дождавшись, когда щеки наставника порозовели, Аластор почтительно подсунул ему лепешку с мясом и еще кружку горячего вина.

– Благослови вас Пресветлый Воин, юноша, – вздохнул фраганец. – Мне, право, неловко, что из-за меня вы задерживаетесь в пути.

– Пустое, как вы говорите, – улыбнулся Аластор, старательно скрывая беспокойство. – Прибудем в Дорвенну на несколько часов позже, не стоит и говорить об этом. Мы и так потратим на дорогу всего сутки вместо трех дней! Я не думал, что путешествовать с каретой настолько медленно, но матушка, Мэнди и Лорри не слишком любят верховую езду... Зато посмотрите, какая ночь! Звезды можно рукой достать, а где-то рядом цветут дикие яблони.

Он потянул носом душистый ночной воздух, и месьор наконец усмехнулся.

– Романтика юности! Вот будете в моем возрасте, станете ценить мягкую постель и приличный ужин, а не ночевки в лесу.

Потом тоже вдохнул благоухание, долетавшее с опушки, и едва уловимо помягчел лицом, уронив:

– Надо же, почти как в моем родном Лузиньоне. У нас тоже, когда цвели сады...

И осекся.

Молча выпил горячее вино, завернулся в плащ и улегся на заботливо подстеленные Аластором попоны. А вот Аластору не спалось. Отойдя от костра, чтобы не шуметь, он достал скребок и почистил Искру. Дело это было безнадежное, все равно завтра успеет испачкаться, но шумное дыхание и тепло большого лошадиного тела приятно успокаивали. Вернувшись к костру, он снова сунул кружку с вином на угли, забыл про нее, рассеянно глядя в язычки пламени, пляшущего на сучьях, и спохватился, когда вино плеснуло через край, зашипев.

Пить его, такое горячее, было невозможно, и Аластор, вздохнув, отставил кружку, мимоходом позавидовав конюхам, которые поужинали и завалились спать. Вот уж у кого голова не трещит от мыслей. Лорд сказал, что надо ехать в столицу за помощью, они и едут. Их дело – развести костер, присмотреть за лошадьми да взять в руки дубинки, если по дороге встретится какая-то опасность. А думать – это дело лорда...

– Что, юноша, не спится?

Месьор привстал, сел к костру. Пригубил вино, перегретое Аластором, поморщился и отставил кружку снова. Ну да, хмель испарился.

– Не спится, – признал Аластор. – На душе нехорошо. Прорыв этот... И вообще...

– Особенно «и вообще», – кивнул фраганец. – Она вам так и не написала за все эти годы?

Аластор покачал головой, потом нехотя отозвался:

– Ей тоже могли запретить, как и мне. И наверняка запретили. Девушка должна думать о репутации, это я... неизвестно чем думал.

– В иной ситуации я бы сказал, чем именно вы думали, – заметил месьор д'Альбрэ. – Но, кажется, это не тот случай. Сколько ей сейчас, уже семнадцать?

– Почти восемнадцать, – тихо ответил Аластор. – Я немного ошибся, можно было ехать в столицу еще в прошлом году. Но... я не знаю, стоит ли. Детская дружба... Да еще и с девочкой. Знаете, месьор, больше всего я боюсь, что увижу Айлин, а она... стала такой, как мои сестры. Легкомысленной. Пустой. Или как все эти девушки, с которыми меня знакомили. У них в голове только наряды и замужество.

– Полагаете, это так плохо? – мягко спросил д'Альбрэ. – Замужество – самое главное в женской судьбе, такими боги создали прекрасную половину человечества. Семья и дети – это продолжение рода и украшение жизни.

– Я думаю, – упрямо сказал Аластор, – должно быть что-то еще. Айлин – магесса, она сама говорила, что мечтает стать преподавательницей в Академии. Может, дело в этом, но с ней всегда было... интересно. Не как с девушкой, а само по себе. Она умная, веселая, добрая. Истинная леди, хоть и пыталась это скрывать. Вот еще странно, кстати. Я так и не узнал, почему она не любит свою семью настолько, что в двенадцать лет попыталась уйти из рода. В двенадцать! Сразу после смерти отца. И из какого рода! Вы же знаете, что такое Три Дюжины.

– О да... – негромко отозвался фраганец. – Ваш мэтр-командор и его маги переломили судьбу войны, когда дело уже казалось решенным. Впрочем, неважно. Я никогда особенно не стремился к военной карьере, просто для младшего сына это самый легкий путь устроить свою жизнь.

– Я все хотел спросить, месьор д'Альбрэ, – помолчав, сказал Аластор, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей. – Как получилось, что вы приняли предложение моего отца? Да еще сразу после войны. Если это не тайна, конечно!

– Теперь не тайна, – усмехнулся фраганец, удобнее устраиваясь возле огня. – Думаю, мы оба понимаем, что моя роль при вас уже чистая формальность. Все, что я мог вам преподать, вы научились. И даже гораздо большему, судя по недавним событиям. Это, оказывается, очень приятно – гордиться учеником. Ну-ну, юноша, не смущайтесь так. Заслуженную

похвалу следует принимать с тем же достоинством, что и порицание. – Он все-таки пригубил вина из кружки и продолжил: – Что касается моего согласия, это история поучительная, но весьма неприятная. Вы ведь поняли, что я был военнопленным?

Аластор кивнул, осторожно глядя в чеканный горбоносый профиль фраганца, темный на фоне золотого пламени костра.

– Обычное дело на войне, – поморщившись, бросил д'Альбрэ. – Наш полк разбили в самом конце, когда уже все было ясно. Офицеров отправили в ближайший городок, взяли слово чести не бежать, и мы спокойно ждали заключения мира и обмена пленными или выкупа. Только нам не повезло с комендантом гарнизона, при котором мы содержались. Редкостной мразью оказался... Долго рассказывать, да и противно. Мы терпели, пока он не перешел черту, приказав выпороть одного лейтенанта из моей роты, совсем еще юнца. Тот, видите ли, небрежно поклонился при встрече.

– Выпороть? – недоверчиво вскинулся Аластор. – Дворянина?!

– Именно, – кивнул д'Альбрэ. – Мальчишка поклялся, что либо убьет его, либо покончит с собой. И он бы выполнил клятву, я хорошо его знал. Разумеется, потом его бы казнили, а он единственный сын вдовы... И наверняка мои товарищи взбунтовались бы, а с пленными в таких случаях не церемонятся. Впрочем, дело даже не в этом. Признаюсь, я просто не сдержался. Даже рапиру можно сломать, а терпение дворянина куда более хрупкая вещь.

– И что вы сделали? – спросил Аластор, уже подозревая ответ.

– Убил коменданта, – просто и спокойно ответил фраганец. – Вызов на дуэль от пленного он бы никогда не принял, так что пришлось воспользоваться обычным столовым ножом. Отвратительно получилось, но в поднявшейся суматохе про лейтенанта забыли, чего я и добивался. Думаю, меня бы повесили прямо там и немедленно, убийцам не оказывают воинские почести вроде расстрела. Но Пресветлый в милости своей отсыпал мне удачи, в этот день как раз подписали мир. Новый комендант решил свалить заботу на чужие плечи, и меня отправили в столицу, передав дело на рассмотрение в канцелярию его величества Малкольма Дорвенантского.

– Это... бесчестно, – дрогнувшим голосом сказал Аластор.

– Что именно? – с искренним интересом спросил д'Альбрэ. – То, что я сделал? Разумеется.

– Да нет же! То, что собирался сделать этот комендант! – Аластор едва не вскочил от возмущения, но все-таки удержался. – А вы просто защищали свою честь и честь этого лейтенанта!

– Убийство всегда низость, если не освящено традициями войны или дуэли, – усмехнулся д'Альбрэ. – Легко определиться между бесчестием и честью. Но дай боги, юноша, чтобы вам никогда не пришлось выбирать между разными видами подлости, зная, что без выбора не обойтись. Когда я это делал, то был совершенно уверен, что меня казнят, и до сих пор считаю это правильным. Человек чести не должен становиться убийцей. Но жизнь, увы, гораздо сложнее, чем все кодексы благородства. Меня определенно казнили бы, к тому все шло. Ну, разве что заменили бы повешение расстрелом, учитывая обстоятельства. Но тут вашему почтенному батюшке понадобился подходящий человек, и он обратился к лорду-канцлеру Аранвену. Нам устроили встречу, дальше все понятно, я полагаю?

– Нет, – мрачно сказал Аластор. – Если вас принудили взять меня в ученики, это... тоже неправильно. Вы потратили столько лет на мое обучение! А могли бы давно вернуться домой. Лорд-канцлер должен был вас просто отпустить!

– Вы удивительно похожи на своего отца, юноша, – сказал д'Альбрэ задумчиво. – Полагаю, самой большой удачей в моей жизни была именно эта встреча. Не буду лукавить, я согласился бы тренировать вас просто за отмену смертного приговора, посчитав это выгодной сделкой. Бывает судьба и похуже, чем несколько лет провести в поместье учителем фехтования. Но лорд Вальдерон был столь великодушен, что сначала взял меня на поруки, узнав обстоятельства дела, а потом, когда бумаги о помиловании были уже подписаны, отдал их мне. И сказал, что услугу, о которой он хотел бы просить, можно оказать только по доброй воле. Просить, понимаете, юный лорд? Я мог бы, пожалуй, отказать человеку, который спас мне жизнь, потому что в тот момент... не слишком хорошо думал о большинстве дорвенантцев. Но отказать человеку, который пощадил мою гордость? У вас удивительный отец, юноша, гордитесь им.

Он отпил из кружки, покачал ее в пальцах и продолжил, не глядя на затаившего дыхание Аластора:

– Мы договорились, что я встречусь с вами и тогда дам ответ. Разумеется, я бы не отказался. И, разумеется, мы оба это понимали. Но... учить можно по-разному. Как-то в одном старом итлийском трактате по фехтованию я встретил слова: «Чтобы рапира ученика пела в его руке без фальши, тон ей должно задавать сердце учителя». Итлийцы... Они склонны к излишним красотам, но толк в хорошем фехтовании знают, этого не отнять.

Фраганец улыбнулся с обычной иронией, но Аластор понимал, чего ему стоила эта откровенность. Д'Альбрэ редко и неохотно рассказывал о себе, лишь по редким обмолвкам, как из кусочков разрозненной мозаики, Аластор сложил общую картину, что его наставник – то ли третий, то ли четвертый сын небогатого дворянина, в роду которого военное дело и бретерство – главный источник дохода уже несколько поколений. Что в армию д'Альбрэ пошел не только в поисках славы и чинов, была в его прошлом вражда с каким-то могущественным врагом, то ли из-за женщины, то ли по причине менее романтической. Во всяком случае, во Фрагане, которую бывший бретер обожал, его никто не ждал, и сам д'Альбрэ пару раз грустно шутил, сравнивая родину с равнодушной и ветреной возлюбленной.

Но Аластору в голову не приходило, что его отец попросту спас фраганцу жизнь и, более того, предложил вполне достойную дворянина службу.

– Месьор д'Альбрэ, – сказал он тихо и очень осторожно. – Я могу только надеяться, что вы не слишком жалеете о времени, которое на меня потратили. И я... всегда буду вам благодарен за уроки. За все уроки, понимаете?

Фраганец молча кивнул. А потом сказал, едва размыкая губы, словно смертельно устал:

– Не сомневайтесь, юный лорд, я ни о чем не жалею. Это было хорошее время. Ваш отец принял меня не как наемника, а как друга. Я никогда этого не забуду. Знаете, за эти несколько лет я даже пару раз думал, что сам могу встретиться с лордом Бастельеро и обсудить некоторые вопросы... военной теории.

– Месьор! – вскинулся возмущенный Аластор, и д'Альбрэ ответил мягкой усмешкой без тени его привычной колкости.

– Успокойтесь, юноша. Я же понимаю, что вы не простили бы мне этого при любом исходе нашей с ним дуэли. Нельзя отнимать у человека победу, ради которой он готов не просто отдать жизнь, но еще пять лет вставать на рассвете и бегать вокруг усадьбы, а потом терпеть меня на каждой тренировке.

Он тихо рассмеялся, глядя на сконфуженного Аластора, налил себе еще вина, а потом серьезно добавил:

– К тому же я теперь гораздо меньше переживаю за результат вашей с ним встречи. Но все-таки будьте осторожны. Судя по тому, что я знаю о Бастельеро, он привык легко перешагивать через чужие жизни, и я сейчас не о военных действиях. Некоторые мои знакомые, которым случалось встречаться с вашим главнокомандующим лично, считают его человеком надменным, обидчивым, злопамятным и очень могущественным. Опасное сочетание. Чтобы скрестить с ним рапиры, вам еще нужно до этого дожить. Я спросил вас пять лет назад и спрашиваю снова: вы уверены, что вам необходимо с ним драться? Теперь, когда вы повзрослели и, надеюсь, поумнели, вы все так же убеждены, что это было оскорбление, стоящее смертельной дуэли? Потому что с такими, как Бастельеро, нужно драться насмерть, либо не драться вообще. В живых подобных врагов оставлять нельзя.

– Я... не знаю, – тихо отозвался Аластор. – Месьор, теперь я понимаю, что лорд Бастельеро во многом был прав. Собственно, я и тогда понимал это. Мои действия по отношению к репутации леди Айлин были... мальчишеской дуростью, если уж честно. Я оскорбился не тем, что он сделал, а тем, как он это сделал. Если бы тогда он отнесся ко мне как к равному, если бы увидел во мне что-то достойное, я... я бы сам просил у него прощения и был благодарен за урок, понимаете? Как... тогда с вами, в нашу первую встречу.

– Понимаю, – уронил д'Альбрэ. – Но люди меняются. Я про вас, а не про него. Аластор, вы ведь доверяете мне в вопросах чести? Нет ничего постыдного в том, чтобы признать ошибку. Напротив, для этого нужно гораздо больше храбрости, чем для упрямства. Победить свою гордость – это тоже победа, причем из величайших. И если вы найдете в себе мужество при встрече с Бастельеро извиниться за глупость мальчишки, которым были когда-то, и ваш отец, и я оценим это по достоинству.

– Нет, месьор, – так же тихо, но ровно сказал Аластор. – Поймите правильно, я не буду искать намеренной ссоры с лордом Бастельеро. И я... я бы даже извинился. Но я уверен, что мы с ним еще столкнемся, и ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому я не буду бросать свою гордость под ноги человеку, который вытрет об нее сапоги, приняв за трусость.

Костер сыпал золотыми искрами, от него веяло приятным теплом, и Аластор протянул к огню руки. Д'Альбрэ вздохнул, а потом отсалютовал ему полной кружкой и сказал:

– Тогда за вашу удачу, юный лорд. И дайте Семеро, чтобы вы никогда не пожалели об исполнении своих желаний.

* * *

– Так тебя, значит, зовут Пепе, мой милый красавчик? – спросил синьор и потрепал его по коленке потной рукой.

– Да, грандсиньор, – ответил Лучано и скромно потупился.

Про себя он пожелал синьору с его липкими прикосновениями провалиться прямо к Барготу. Ждать оставалось недолго, по расчетам Лучано эта встреча должна была состояться на следующей улице, и Баргот явно заждался!

– И тебе всего шестнадцать? – продолжал допытываться синьор. – Врешь, наверное? Ну, самую капельку, а?

– Если только капельку, грандсиньор, – смущенно отозвался Лучано, на всякий случай не поднимая лица.

– Пару лет уж точно убавил, – усмехнулся синьор, страшно гордый своей проницательностью, и Лучано виновато улыбнулся.

Ну, допустим, далеко не пару. Белокурый парик стоил каждого скудо, заплаченного пожилому молчаливому артефактору, а при его светлых глазах светлые волосы еще сильнее моло-

дят. Вдобавок, легкий, почти прозрачный грим делал кожу Лучано совсем юной, хотя ему и так никто не давал двадцати шести. Разве что по взгляду, но... кто из благородных станет заглядывать в глаза шлюхе, м? То-то и оно...

Поэтому Лучано вполне выглядел на шестнадцать, особенно в цветастой рубашке, нарочно подобранной на пару размеров больше, чтобы плечи казались худыми. Но синьор пусть порадуется своему уму, это полезно. Успокаивает.

Большая карета плавно покачивалась на рессорах. Двое охранников ехали верхом по бокам от нее, бдительно вглядываясь в темноту ночной Верокки.

Один из них полчаса назад старательно обыскал Лучано, перед тем как пустить его внутрь по вальяжному жесту хозяина. Нашел и забрал небольшой ножик, ничуть не удивившись его наличию, совсем напротив. В портовом районе без ножа не улицу не выходит ни один мужчина старше трех лет и в своем уме, даже те из них, что стоят на Жасминовой аллее с размалеванными мордашками.

Лучано думал, что на всякий случай заберут вообще все: простенький браслет из медной проволоки, медный же сноп колосьев на шнурке – любовно начищенный символ Всеблагот Матери, болтающийся у него на шее под рубашкой, и дешевые резные шпильки из апельсинового дерева, которыми он кое-как заколол растрепанную белокурую копну. Ждал и был к этому готов, но охранник лишь скользнул по его безделушкам равнодушно презрительным взглядом.

– Ну и как же ты оказался на улице, Пепито? – спросил синьор, разглядывая его с жадным блеском в темных глазах навывкате. – Такой славный паренек... Сирота, наверное?

– Да, грандсиньор, – покорно кивнул Лучано, прислушиваясь к цокоту копыт за тонкими шелковыми занавесями. – Меня воспитал один... великодушный человек, а потом... ну, вы понимаете...

– Обычное дело, – скукаяще махнул его собеседник пухлой рукой с перстнями. – Ох уж эти великодушные господа.

И снова усмехнулся, поняв недомолвки именно так, как должен был, в меру собственного разума. Конечно, перед ним один из неисчислимого множества мальчишек и девчонок, подкидышей или сирот, взятых на воспитание, а потом развращенных и отправленных на заработки. Как же иначе? На указательном пальце синьора красовался артефактный перстень с камнем, меняющим цвет от произнесенной вслух лжи, поэтому Лучано не мог врать напрямую, но в этом и не было нужды. Его в самом деле воспитал человек величайшей души!

Синьор снова потянулся погладить его по коленке, и тут Лучано по качанию кареты понял, что они свернули на нужную улицу. Про себя досчитал до трех и мягко отвел чужую руку.

Синьор напрягся, глянул недоуменно, и тут Лучано качнулся вперед, вынимая из волос длинную шпильку. Апельсиновое дерево твердое. Шпилька вошла в темный блестящий глаз синьора с едва слышным влажным звуком, а Лучано прошептал, как хотел заказчик:

– Джузеппе передает тебе привет, старый мерзавец. И желает вечных объятий Баргота.

Не вытаскивая шпильку, он подождал еще мгновение, пока грузный синьор, любитель светловолосых мальчишек и недруг некоего Джузеппе, обмякнет на сиденье, слепо глядя оставшимся глазом в потолок кареты. Вторая шпилька не потребовалась, мгновение, когда душа покидает убитого, Лучано за столько лет научился определять безошибочно.

Дернув ручку, он распахнул дверцу, и внутрь просунулась усатая голова на широких плечах – охранник наклонился прямо с лошади.

– Синьор... – начал он и осекся.

– Он занят и просил не беспокоить, – ослепительно улыбнулся Лучано.

Дернул охранника на себя, добавив ладонью по уху, и выскользнул мимо него на улицу. Одним прыжком оказался в черном провале арки, возле которой остановилась карета. Свернул за нее, бродячим котом взлетел по узкой лестнице, ведущей на крышу, но не вылез на нее, а по карнизу перемахнул на соседнюю. Знакомые пластины черепицы уверенно ложились под ноги, высокие гребни прикрывали его тенью от лунного света. Лучано мог бы промчаться по крышам до конца квартала, а потом без труда перебраться в другой, но замер, притаившись.

Внизу орали, поминая барготово отродье, звали стражу и недоумевали, куда подевался продажный щенок. Перечисляли кары, которым подвергнут, когда поймают, обвиняли друг друга – решительно ничего нового или полезного.

Однако Лучано добросовестно дождался появления патруля, от которого немедленно потребовали поймать мальчишку лет шестнадцати со светлыми волосами, одетого как шлюха, с лицом как у шлюхи, работающего... да шлюхой, разумеется, Баргота вам под одеяло!

Усталый сонный стражник огрызнулся, резонно заметив, что в трех кварталах отсюда этих шлюх разного пола – сотни три на выбор, причем на одной только Жасминовой аллее. И не пойти ли господам самим их половить? Там и светловолосых вдоволь найдется, а уж лет шестнадцати – половина, не меньше, даже те, кто на самом деле старше его бабушки. И всяко от этого будет больше пользы, чем стоять на месте и ждать стражу, которая без того с ног сбивается. Непонятно, за что платил покойник, если при такой бдительной охране его прирезал мальчишка и сбежал от пары всадников, не считая кучера и лакея на запятках.

Уязвленные охранники ответили про потерявших нюх сторожевых псов, которым бы только щипать торговцев, а потом коротать смену в ближайшей трактирии, пока на улицах делается невесть что.

– И не на улице, а в собственной карете вашего синьора, – отозвался входящий во вкус перебранки стражник. – Может, вы хотите, чтобы мы каждую карету проверяли, не творится ли там какое непотребство? Кто его туда запустил, этого щенка? Покойник или вы сами, синьоры? Еще неизвестно, кто здесь настоящий убийца...

Дальше Лучано слушать не стал, потому что представление могло затянуться надолго, а за крышами уже показалась узкая розовая полоска – предвестник рассвета. Он по-змеиному отполз подальше, пробрался теми же тенями к дальней лестнице и спустился на другую улицу. Прошел по ней до конца квартала, свернул и прошагал еще три. Пересек по мостику узкую ленту воды – один из притоков Льяметты, шмыгнул в полуприкрытую дверь трактира, где хмурый хозяин провел его в каморку с умывальником и сундуком.

Через четверть часа трактир покинул молодой темноволосый горожанин очень пристойного облика. Слегка пахнувший вином, потому что засиделся с друзьями за игрой в карты и беседой, но кто не был юн и беспечен, синьоры?

Беззаботно улыбаясь, Лучано дошел до ближайшей стоянки портшезов, нанял носильщиков и со всеми удобствами прокатился до южной окраины Верокьи, откинувшись на сиденье и любуясь восходящим солнцем. Велев носильщикам остановиться перед Мостом Поцелуев,

он расплатился и прыгнул на каменную мостовую, золотящуюся в рассветных лучах, словно выпечка, которой славилось это место.

Длинный мост, кошачьей спиной выгнувшийся над Ромериньей, младшей дочерью Льяметты, по утрам был еще свободен от влюбленных парочек, что появлялись тут на вечерней заре. До обеда его заполняли торговцы, и поставить лоток на Поцелуйном мосту было настолько почетно и выгодно, что это могли себе позволить только самые лучшие мастера. И даже самого дождя вряд ли баловали такими яствами, которые можно было купить здесь прямо с пылу с жару.

– Копченые колбаски! С чесноком, с перцем, с майораном! Ах, синьор, отведайте этих колбасок, и ваша мужская гордость не будет знать поражения! – заливался один торговец, влюбленно глядя из-за прилавка на пояс Лучано с туго набитым кошельком.

– Яйца с паштетом! Печеные овощи! Спаржа нежная, как пальчики благородной девицы! Попробуйте спаржу, синьор! – вторил ему другой.

– Эта форель еще час назад плавала, клянусь добродетелью моей жены! А устрицы? Вы видели таких устриц, великолепный синьор? Купите пять дюжин и возьмите шестую бесплатно! Принесите их своей возлюбленной, и если она вам потом откажет, вернитесь к старому Паоло – я вам дам бесплатно самого колючего живого краба!

– И что я буду с ним делать, почтенный Паоло? – невольно заинтересовался Лучано, замедлив шаг у лотка с устрицами.

– Ха! – расплылся в улыбке торговец. – Сунете ей под одеяло! Девушка, не способная оценить свежие устрицы и горячего мужчину, ничего другого не заслуживает.

– Прекрасная мысль, синьор, – рассмеялся Лучано. – Даже жаль, что прямо сейчас у меня нет девушки. Но уверяю, как только она появится, я приду к вам за устрицами.

Пройдя почти до самого конца моста, он остановился возле булочника, чей товар был спрятан в плетеные корзины, чтобы не остыть. Знакомый торговец с достоинством кивнул и, приоткрыв крышку, откинул белоснежное полотенце, уточнив:

– Как обычно, синьор Фарелли?

– Совершенно верно, – поклонился ему Лучано и принял заботливо завернутую в холщовую салфетку фокачку, круглую, горячую, упоительно ароматную.

Посмотрел на нее и сглотнул, борясь с желанием отщипнуть румяный краешек, щедро присыпанный пряностями. Ему ведь уже не десять, пора вести себя пристойно! Булочник, понимающе улыбнувшись, взял другую фокачку, отхватил ножом горбушку, капнул на нее оливковым маслом и посолил.

– Передавайте мастеру Ларци мои искренние пожелания здоровья, – попросил он, пока Лучано торопливо рвал зубами, жевал и глотал восхитительную хрустящую корочку и душистую мякоть. – А это к шамьету ему и вашей милости.

– М-м-м-м! – отозвался с набитым ртом Лучано, снова кланяясь и забирая второй сверток.

По небу уже разлилось крыльями сказочной птицы зарево рассвета. Золотые, розовые, жемчужно-серые и малиновые перья чередовались длинными слоями. Внизу, под мостом, серебрилась гладь реки, воздух был чист, прозрачен, напоен благоуханием цветов... Лучано, прижимая к себе оба свертка, спустился по широким низким ступеням и небрежно кивнул двум парням, стоящим у начала лестницы. Одетые как небогатые подмастерья, они, тем не менее, были Шипами, как и он. Правда, из рядовых.

– А, Счастливец! – обрадовался ему Фелипе, невысокий, крепкий, с быстрыми точными движениями. – Мы сейчас шли мимо вашего дома. Мастер Ларци тебя хочет!

– М-м-м? – протянул Лучано, все еще пребывая в благодушнейшем расположении духа. – И как именно он меня хочет, мастер не говорил?

Шутка получилась так себе, на грани пристойного, но Фелипе его хорошо знал, так что и не подумал принять за чистую монету.

– Как можно быстрее, – сообщил он и слегка усмехнулся, показывая, что оценил.

А вот его спутник расплылся в скабрёзной ухмылке и окинул Лучано взглядом, от которого утро сразу чуть поблекло в своей прелести, будто подернувшись грязной дымкой. «Витторио, да? – вспомнил Лучано. – Недавно работает с Фелипе...»

– Так вот как знаменитый Счастливец вылез в младшие мастера? – насмешливо бросил долговязый и рыжеватый Витторио. – А шуму-то было. Что, по-честному никак не получалось?

– Нет, конечно, – улыбнулся Лучано, и Фелипе за спиной напарника скривился, словно у него внезапно заболел зуб.

– Фортунато, слушай... – начал он и замолчал, поймав предостерегающий взгляд, а Лучано, опершись о перила, в ответ смерил Витторио таким же взглядом с ног до головы.

Конечно, каждый в гильдии думает о них с мастером все, что хочет. Но тот, кто считает, что Ларци будет путаться с учеником – и, особенно, этому ученику облегчать экзамен, – сильно ошибается.

Ну и тот, кто считает, что Лучано Фортунато Фарелли, Лучано Счастливику, нужно было послабление, чтобы в двадцать пять лет стать младшим мастером, ошибается тоже. Что полезно. Пусть недооценивают.

Однако спускать такие мысли о своем мастере... Пусть даже Лучано первый ляпнул глупость, но ему можно, а другим – нет.

– Фортунато... – безнадежно вздохнул Фелипе, уже все понимая. – Нам с Витто сегодня работать. Вместе.

Все-таки Фелипе – умница. Даже не пытается его отговорить, просто попросил отсрочки. Что ж, работа – это святое. Раз Витторио нужен этим вечером живым и здоровым, пусть пока гуляет.

– Удачи, – улыбнулся Лучано и прошел мимо.

От Моста Поцелуев по аллее, потом в узкий переулок. Слева в его конце – три дома, а справа – высокая стена, за которой видно лишь крышу двухэтажного маленького палаццо. В стене – зеленая дверь, не запертая, наверное, мастер выходил на улицу совсем недавно.

Лучано аккуратно закрыл дверь за собой и пошел по саду, утопающему в цветах, несмотря на раннюю весну. Летом здесь и вовсе не вдохнуть от густых ароматов, а яркие краски будут резать глаз, но даже сейчас петляющая тропинка вела через островки зелени и первоцветов, а дом едва виднелся из-под плюща, затянувшего его до самой крыши. Шурх! Из кустов метнулась черная тень, прыгнула ему в ноги, ловя их лапами.

– Мр-р-р-р?

Лучано наклонился, погладил густую блестящую шубку угольного цвета, и зеленые глаза пытливо уставились на него с круглой мордочки. Мандрагора... Значит, и Акони́т где-то рядом, он от подруги далеко не отходит.

Действительно, большой серебристо-серый кот вывернул из тех же кустов, и они с Мандрагорой важно пошли вперед, словно указывая путь.

Улыбаясь, Лучано взбежал на крыльцо, толкнул дверь. Втянул ноздрями ошеломляющий запах и сразу пошел на кухню, словно по стелющемуся в воздухе следу.

Мастер готовил яичницу с овощами. На широкой плоской сковороде томились ломтики золотистого бекона, исходили соком и паром крошечные белые луковки, кусочки спаржи, молоденькой репы и тыквы, стручки зеленого горошка. Рядом в глиняной мисочке нежно желтела молочно-яичная смесь, приготовленная для заливания, высилась горка мелко нарезанной зелени, вторая – тертого сыра, стояли баночки с молотым перцем, кориандром, семенами пажитника и чем-то еще...

– Доброго утра, мальчик мой, – сказал мастер, не оборачиваясь и неторопливо священнодействуя над сковородой. – Ты как раз к завтраку.

Лучано прошел по надраенному и навощенному деревянному полу, на котором уже плясали солнечные лучи, опустился на колени и почтительно поцеловал протянутую ему узкую жилистую руку. Единственное кольцо на ней, железное, в виде свернутого стебля розы и с цветком вместо камня, мягко блеснуло на солнце.

– Доброго утра, мастер, – тихо сказал Лучано, вдохнув запах сыра и специй, душистых масел, алхимических ингредиентов, чистой одежды, шамьета...

Этот неуловимый аромат, состоящий из десятков других, изменчивый, но безошибочно им узнаваемый – запах его дома.

Замерев, он дождался, пока мастер кивнет, и лишь тогда поднялся, ожидая распоряжений.

– Почему бы нам не позавтракать в саду? – задумчиво сказал мастер Ларци. – День прекрасный...

– Тогда я накрою? – радостно отозвался Лучано и получил еще один согласный кивок.

Пока дожаривалась яичница, источая умопомрачительный аромат, Лучано собрал и отнес на террасу, выходящую в сад, все необходимое. Расставил глазурированные сине-белые тарелки, поломал фокаччу на куски – в доме мастера Ларци придерживались старых порядков и не оскорбляли хлеб прикосновением ножа. Соль, перец, оливковое масло и чистая вода – ну это как полагается. Напоследок он торопливо разжег особую жаровню для шамьета, стоящую в углу террасы, и, пока угли разгорались, нарезал принесенную из погреба сырую печенку, поставив ее на пол в большом блюде.

Первая усатая морда выглянула из зарослей вьюнка незамедлительно. Конечно, это была Мандрагора, сияющая угольно-черной шубой, как королевской мантией. Следом выбрался серебристый в солнечных лучах Аконит. Пока Лучано забирал из дома салфетки, ложки и прочие мелочи, у блюда появилась белоснежная желтоглазая Белена. И последней из кустов робко выглянула рыжая Наперстянка, подобранная недавно, еще полудикая и худая. Озираясь и недоверчиво глядя на Лучано, она цапнула с блюда самый большой кусок печенки и, грозно урча, утащила его обратно в кусты.

Остальные кошки со снисходительным пониманием глянули ей вслед и спокойно продолжили есть, соблюдая надлежащий этикет.

– Бедная малышка, – покачал головой мастер Ларци, подходя к столу со сковородой, которую нес торжественно, словно дож – свои регалии. – Ничего, привыкнет.

Он разложил пышную дымящуюся яичницу по тарелкам, сел, кивнул Лучано. Сложив перед собой руки, прочитал молитву Семи Благим и первым взял кусок фокачки, разломив ее над тарелкой. Лучано почтительно последовал примеру.

Потом они молча ели, так же чинно и размеренно, как кошки, за едой мастер лишних разговоров не любил. Да и отвлекаться от такого завтрака было бы святотатством! Лучано с наслаждением умял свою порцию, вытер с тарелки все до капельки кусочком фокачки и поднялся, чтобы заняться шамьетом.

В том углу, где стояла жаровня, над террасой склонили ветви три апельсиновых дерева, сейчас они были усыпаны цветами, и нежный сладкий аромат примешивался к запаху специй.

– Как прошло дело? – спросил мастер Ларци, разворачивая сверток с выпечкой.

Достав неизменные сливочные вафли с кремовой начинкой для себя и булочки с корицей для Лучано, он выложил их на чистую тарелку.

– Как положено, – отозвался Лучано. – Все в порядке.

Скрыть что-то ему бы в голову не пришло, но ведь заказ и в самом деле выполнен чисто. Сегодня мастер откроет большую конторскую книгу, обмакнет перо в чернила и подведет итог, записав: «Четыреста скудо за флакон духов для синьоры...» Или что-нибудь еще, понятное только ему. Лучано это пока что не касается, звание младшего мастера означает лишь то, что им пожертвуют при несомненной и достаточной пользе для гильдии, а не при малейшей необходимости, как любым другим Шипом. Отчитываться перед ним все равно никто не обязан.

– Ну и славно, – кивнул Ларци. Слегка прикрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, он подставил лицо солнечным лучам, проходящим сквозь апельсиновые ветви. – А как твои успехи в дорвенантском языке?

– Неплохо, – без удивления, но тщательно подумав, сказал Лучано, пристально глядя на поверхность воды в глиняной толстостенной колбе-шэнье, где варился шамьет. – Понимаю почти все, говорю с акцентом, но, кажется, меня тоже хорошо понимают. С фраганским было легче. В Дорвенанте я за своего точно не сойду.

– И не надо, мальчик мой, – спокойно откликнулся Ларци. – Возможно, вскоре нас ожидает интересный заказ в этой стране. Гильдия еще не решила, кого послать, известно только, что это будет кто-то один.

– О-о-о... – тихо сказал Лучано.

Действительно, что непонятного? Если Шип, отправленный в Дорвенант, справится с делом в одиночку, вся слава достанется ему. А прибыль для гильдии ожидается огромной, если уж мастера совместно решают, кого послать. Рядовым Шипам такой заказ, конечно, не поручат. Значит, или кому-то из старших мастеров, еще не отошедших от дел, или... младшему мастеру. Кому-то чрезвычайно умелому, надежному, не боящемуся риска и честолюбивому. Потому что такой одиночный заказ может как сделать из младшего мастера – старшего, так и погубить его в случае провала. Что ж, значит, Ларци, один из легендарных великих мастеров, опора гильдии, не зря тратил время на воспитание Лучано Счастливого, своего будущего преемника. Если, конечно, Лучано до этого доживет.

Ради него мастер пренебрег большинством правил, по которым живут Шипы Претемных Садов. Спас его когда-то, забрал из ученических казарм в собственный дом, назвал своим воспитанником и растил соответственно. Как ученика, почти как сына, чтобы там ни трепали грязными языками подобные Витторио. И если мастер решил, что для выполнения этого заказа подходит именно Лучано – так тому и быть.

В ногах требовательно мяукнула Белена, и Лучано наклонился, чтобы ее погладить. Выпрямился как раз вовремя, чтобы снять шамьет, безупречно рассчитав нужное мгновение.

Вернувшись к столу, разлил благоухающую темную жидкость по чашкам, почтительно подвинул покровителю блюдо с его любимыми вафлями и сказал по-дорвенантски:

– Как прекрасно цветут апельсины в нашем саду, мастер. В далеком диком Дорвенанте я бы скучал по ним, но воспоминание об их запахе грело бы мне душу почти так же, как память о вашей доброте.

– Очень хорошо, мой мальчик, – ответил Ларци на том же языке, улыбнулся и пригубил сваренный им шамьет. – Я горжусь тобой.

Глава 2. Недоброе утро

Ее первый настоящий поцелуй обжигал губы. Да, первый, не считать ведь настоящим тот, что Айлин подарила магистру Роверстану под цветущим деревом в Вишневую ночь. Тогда она была обижена, растеряна, не понимала, что происходит... Сейчас ей казалось, что с той ночи прошла дюжина лет, настолько она повзрослела и теперь совсем иначе смотрела на все.

Словно маленькая жизнь пролегла между той маленькой Айлин, для которой глупая мерзкая шутка была настоящей бедой, и Айлин сегодняшней, знающей, как больно и сладко тянет сердце, когда приходится выбирать между любовью и честью.

Она зажмурилась всего на мгновение, чувствуя тепло и мягкость чужих губ, а потом все закончилось. Горечь, которая будто пропитала ее изнутри, исчезла, растворившись в этом поцелуе. Настоящая магия без магии! Так вот как это, если тебя любят! И нет, она не будет вспоминать поцелуи с Грегором... лордом Бастельеро. В них тоже не было любви! Просто огромная ошибка с обеих сторон.

– Теперь я вынужден вас оставить, моя дорогая, – вздохнул Роверстан, отстраняясь, но не отпуская ладонь Айлин. – Вот-вот начнется Совет глав гильдий. Однако прежде я закончу ваше лечение. Посмотрите мне в глаза и потерпите немного.

Айлин кивнула, чувствуя, как загораются щеки. Она совсем забыла о том, что недавно была нездорова! Слишком много случилось всего, да и слабость давно прошла. Очень неловко, что магистр Роверстан помнит о ее болезни лучше нее и искал, чтобы помочь. Но так приятно... «Я должна радоваться, – подумала она упрямо. – Милорд магистр... Дункан... он так внимателен и заботлив! Куда внимательнее, чем... нет, никаких сравнений! Больше никогда!»

Прикосновение чужой магии показалось неприятным, как будто она вошла в черную холодную воду, но, к ее удивлению, вполне терпимым. Во всяком случае, менее неприятным, чем то, что случилось прошлой ночью. И, кажется, недолгим.

– Вы прекрасно держитесь, милая Айлин, – услышала она, вынырнув из ледяного омута. – Я боялся, что будет хуже, но вы, к счастью, совершенно здоровы. И теперь...

– Милорд магистр! – выпалила Айлин поспешно и, поймав укориженный взгляд Роверстана, поправилась: – Простите... Дункан. Я только хотела спросить... Вы сказали, что будет Совет, но ведь вчера... Совет как-то связан с тем, что было вчера?

Ей было до дрожи неудобно звать его по имени. Конечно, потом она привыкнет, наверное? Когда они... ну, когда они поженятся. Но пока что это не ее муж, а преподаватель, почтенный магистр и глава целой гильдии. И его – по имени? Нет-нет, невозможно! Если только для того, чтобы он не обижался?

– К несчастью, да, – вздохнул разумник, отпустив наконец ее руку и вынув из кармана мантии ослепительно белый платок.

В этот платок он бережно завернул ее волосы – как показалось Айлин, нарочно медленно, словно обдумывал, что можно ей сказать, а чего говорить не следует, – и опустил сверток в карман.

– Прошлой ночью умер Великий магистр, – сказал он подчеркнуто ровно. – Орден обезглавлен. Кроме того, магистр Райнгартен сообщил, что такой же разлом, как вы видели, открылся вчера в королевском дворце. Погибли его величество Малкольм и его высочество Криспин.

Айлин невольно ахнула, прижав ладонь ко рту. Великого магистра, конечно, очень жаль – однако он, по крайней мере, был уже совсем стариком и все равно скоро умер бы. Но его величество Малкольм! И всем ведь известно, что Гре... что лорд Бастельеро его давний друг! Может быть, вчера он был не в себе из-за известия о смерти короля? Странно, что не прогнал незваную гостью, но хотя бы понятно... Горе толкает людей на самые необычные поступки, неудивительно, что лорд Бастельеро искал облегчения в вине и...

И принц Криспин, еще совсем молодой!

Она невольно вспомнила учтивого юношу, так похожего на Аластора, так любящего своего младшего брата и пригласившего их в гости. Пусть даже лишь из учтивости!

А теперь он погиб – и это чудовищно странно и так же чудовищно несправедливо!

– Хуже всего, – продолжил магистр, мрачняя с каждым словом, – что разломы продолжают открываться в других местах города, причем совершенно непредсказуемо. Конечно, стихийники и боевики пытаются что-то сделать, но... Гибнут люди, – глухо добавил он, помолчав. – В столице начались пожары и появились мародеры. И мы ничего не можем сделать. Никто не понимает, что происходит.

– Даже вы? – вырвалось у Айлин, и Роверстан качнул головой.

– Мне, конечно, глубоко льстит ваша... вера в меня, – вздохнул он. – Но, к сожалению, и я тоже. Однако нам необходимо решить, что делать. Ясно пока одно, adeptам будет запрещено покидать Академию. Здесь небезопасно, как вы сами убедились вчера, но, боюсь, совершенно безопасных мест сейчас не найти во всей столице, а возможно, и за ее пределами. Здесь, по крайней мере, есть кому прийти на помощь...

Рассказ магистра, такой краткий и ясный, никак не укладывался в голове. Убиты король, его наследник, Великий Магистр Ордена и магистр Кристоф! И разломы, что открываются по всей столице там, где их никто не ждет!

...Тетушка Элоиза! Что, если опасность грозит и ей?

– Милорд магистр! – выдохнула Айлин, изо всех сил отгоняя страшную мысль. – Я... мне нужно немедленно навестить тетушку!

– Ни в коем случае! – непривычно резко бросил Роверстан и тут же, смягчившись, добавил: – Я понимаю вашу тревогу, моя дорогая, но поверьте, ваша тетушка в состоянии о себе позаботиться. У нее крепкий дом, вокруг надежная заботливая прислуга, а положение их семьи позволяет нанять хорошую охрану. Да и я сам намерен позаботиться о ее безопасности, но вам запрещаю покидать Академию. По крайней мере, без разрешения вашего куратора. Или... – явно вспомнил он обстоятельства, связанные с этим самым куратором, – без личного позволения магистра Эддерли. Каковое он вам вряд ли даст, потому что разделяет мое мнение о безопасности в городе.

«Запрещаете?! – подумала Айлин с внезапно вспыхнувшей яростью. – Запрещаете сейчас, именно сейчас, когда тетя Элоиза может быть в опасности?! Запрещаете, стоило только принять ваше предложение?!»

– Запрещаю как ваш преподаватель, adeptка Ревенгар, – веско произнес разумник, и ярость Айлин истаяла, сменившись мучительным стыдом.

Магистр прав, совершенно прав, а она... Это она забылась до того, что чуть не начала спорить с главой гильдии, пусть и чужой! Стоило только принять его предложение!

– А как ваш жених, – добавил Роверстан, снова бережно сжав ее ладонь, – я понимаю, что удержать вас в стороне от происходящего не смогу. Потому прошу об одном – постарайтесь

быть осторожнее! У вас есть накопители и защитные артефакты? Если нет, я немедленно их закажу или куплю готовые.

– Есть! – торопливо выпалила Айлин, касаясь рукава, скрывающего браслет, оставленный ей магистром Мэрли. – У меня очень хороший накопитель, другого не требуется!

Конечно, раньше ей наверняка пришлось бы ответить на неудобные вопросы, откуда такая редкость, но сейчас все будут использовать любые доступные средства защиты, так что накопитель можно носить спокойно. А в случае вопросов она придумает, что ответить!

– Тогда не снимайте его, следите, чтобы он постоянно был заряжен на максимум, и не выходите из комнаты без целебных зелий и защитных артефактов. И везде, слышите, везде берите с собой вашего Пушка. Пообещайте мне, Айлин.

– Обещаю, милорд, – тихо ответила она, и разумник еле заметно улыбнувшись, коротко поклонился.

– До скорой, надеюсь, встречи, – уронил он мягко.

И снова, совсем как в Вишневую ночь, поправил прядь ее волос, ласково коснувшись кончиками пальцев и щеки, и краешка уха, и шеи Айлин, так что горячая сладкая волна прокатилась по ее телу с головы до ног, мгновенно согрев и заставив безнадежно покраснеть.

Невыносимо неприличное чувство, но такое сладкое... Почти такое же сладкое и горячее, как осознание своей тонкой тихой власти над этим огромным мужчиной, таким сильным, умным, великодушным... И влюбленным в нее, Айлин! «Всеблагая Мать, – впервые за долгое время обратилась Айлин к другой величайшей силе, а не к своей покровительнице. – Помогите мне полюбить его, прошу. Он этого достоин, а я... буду стараться, как и обещала. Должна ведь я хоть что-то сделать правильно?»

Отцветающая вишня зашелестела над их головами, и Айлин показалось, что она услышала в этом тихом шорохе еле слышное одобрение.

* * *

– К Барготу! – бешеной кошкой прошипела Ревенгар, сверкнув глазами, и вылетела из аудитории.

Грегор в бессильной ярости сжал кольцо. Что себе позволяет эта взбалмошная девица! Вчера, ведь только вчера она явилась к нему сама, а сегодня... сегодня ее оскорбило предложение брака? Видит Претемная, как можно было так возмутительно неверно понять его предложение? Впрочем, Ревенгары всегда славились и странными суждениями, и неумеренной гордостью – Дориан в годы учебы был таким же! Вспыхивал от малейшего намека даже не на обиду, а на тень чужого неодобрения или расхождение во мнениях. Похоже, отцовский темперамент весь достался дочери вместе с магией, минуя сына-наследника.

Грани сапфира врезались в ладонь, и боль немного охладила кипящую в Грегоре злость.

Ну что же, в конце концов, почти все женщины взбалмошны и капризны, особенно в этом возрасте. Магессы тем более привыкли к намного большей воле, чем их сестры, лишенные дара. И вдобавок большинство девиц искренне считают, что отвечать согласием сразу – дурной тон. А у Ревенгар, следует признать, есть причина для обиды.

Заснуть в такой момент, не сказав ни слова, не позаботившись об уюте и спокойствии девушки – вот за что и в самом деле стоило попросить прощения! Но, разумеется, не сейчас,

когда она не желает ничего слушать. Пусть сначала успокоится, а потом... Замужество – самый важный шаг в жизни любой девицы, и семейная жизнь во многом зависит от того, как она началась. Грегор и так позволил себе недопустимое для дворянина и честного человека. Теперь это первое впечатление придется исправлять.

Если Айлин Ревенгар хочет предложения руки и сердца, какие бывают во фраганских романах, с цветами и ласковыми словами – это вполне невинный и позволительный каприз! Можно даже поухаживать за ней некоторое время, чтобы девица не чувствовала себя обделенной вниманием. Он еще не забыл, как это делается! Ни одна будущая леди Бастельеро не могла пожаловаться на манеры мужчины из этого рода. Но... пока есть более неотложные и важные дела.

Он глубоко вдохнул и выдохнул теплый, пахнущий чернилами и пылью воздух аудитории, а потом бросил взгляд в окно на цветущие вишни.

Решено! С Ревенгар он поговорит позже, а прямо сейчас отправится во дворец. Следует как можно скорее встретиться с его высочеством... нет, уже его величеством Кристианом. Проклятье, как же жаль Малкольма и Криспина, его старшего. Отдать страну совсем юнцу, на которого наверняка имеет огромное влияние мать? Притом такая мать! Впрочем, юноши взрослеют, и кровь Дорвеннов должна взять свое. Кристиан удержится на троне, лишь бы...

«Конечно, он уже нашелся, – упрямо подумал Грегор. – Не мог не найтись. И нуждается в поддержке и помощи, к тому же Аранвен говорил о Малом совете, на котором я должен присутствовать. Вот что сейчас самое важное, все прочее – подождет!»

Он вышел из аудитории и направился к выходу из крыла, истово надеясь не встретить никого по дороге, но, спустившись в малый холл, почти столкнулся с непривычно мрачным и словно постаревшим за ночь магистром Эддерли, застывшим возле увитой цветами ширмы. Грегор молча поклонился магистру, и тот рассеянно кивнул в ответ.

В глаза Грегору бросилось, что мантия магистра не просто фиолетовая, как положено, а густого, почти чернильного оттенка, наиболее близкого к черному цвету. Траурная мантия... Ну да, в Академии уже все известно. Хотя и странно, что Эддерли так осунулся и весьма бледен. С чего бы ему переживать о короле?

– Доброго утра, мой мальчик. Вижу, вы спешите? Ваше дело подождет несколько минут?

«Если только несколько минут не растянутся на несколько часов!» – раздраженно подумал Грегор и тут же одернул себя: подобное было совершенно не в привычках Эддерли!

– Разумеется, магистр, – откликнулся он, постаравшись спрятать раздражение как можно глубже. – Что вам угодно?

– Хотел спросить, не видели ли вы случайно магистра Роверстана, – вздохнул Эддерли. – Никак не могу его найти, а у лорда Аранвена имеется для него срочное поручение.

– Не видел, – процедил Грегор.

Вот только встречи с разумником ему сейчас и не хватало! Что вообще за дела с главой Белой гильдии могут быть у лорда-канцлера? Если все тот же позорно проваленный проект реформ, так сейчас явно не до него!

– Жаль, – вздохнул Эддерли и потер покрасневшие глаза, воспаленные, будто пожилой магистр не спал всю ночь. – Его высочество Кристиан бесследно исчез, – добавил он, понизив голос. – Ангус очень надеется, что магистр Роверстан сможет помочь в его поисках.

– Каким образом? – непочтительно прервал Грегор бывшего наставника. – Простите, магистр! Но если его высочество не смогли найти гвардейцы и королевские маги, чем может помочь разумник?!

«Бесследно исчез... исчез... исчез...» – назойливо стучало в висках, а скулы свело от горького привкуса вины.

Если бы он, Грегор, не покинул вчера дворец, если бы только он остался!

– Вчера во дворец приезжал мэтр Морхальт, – вздохнул Эддерли и снова провел ладонью по глазам, словно пытаясь стереть усталость. – Он, конечно, отошел от практики после удара и болезни, но ее величество по-прежнему предпочитает, чтобы юных принцесс осматривал и лечил именно он, а не мэтр Бюзье. После осмотра мэтр, как утверждают слуги, почувствовал себя неважно и решил отправиться домой, но, уже садясь в карету, оступился. Его высочество Кристиан, оказавшийся поблизости, помог старику сесть в экипаж. Дальше слуги путаются в показаниях, но достоверно одно: после принца никто не видел, а гвардейцы, что искали его в городе, вернулись ни с чем. Все места, что он обычно посещал, проверены! Опрошены десятки, сотни людей! Никто даже не видел юношу, похожего на принца Кристиана.

– Лорд Аранвен полагает, что принца увез из дворца Морхальт? – поразился Грегор. – И никто этого не заметил? Положим, старик мог отвести глаза слугам и стражникам каким-нибудь амулетом и усыпить его высочество, но зачем ему это? Магистр, вы же сами знаете, Морхальт после удара – старая развалина! Он оставил пост главы гильдии, он не вмешивается в политику, он даже не практикует, и странно, что ему принцесс доверяют. Участвовать в похищении принца? Бред! И причем здесь магистр Роверстан?

Эддерли покачал головой и поморщился.

– Разумеется, мэтра Морхальта расспросили люди Ангуса. Мэтр даже был столь любезен, что позволил осмотреть свой дом от чердаков до подвалов. Его высочества там нет, никаких следов тоже не нашлось, и Морхальт клянется, что принц лишь помог ему сесть в карету. Но Ангус счел, что нужно расспросить старика еще раз, уже с помощью разумника. Вы же понимаете, после удара и осложнений, к которым он ведет, память выкидывает странные штуки. Вдруг Морхальт видел что-то важное, но сам это забыл? Не сочтите за труд, Грегор, если встретите Дункана, передайте ему мою просьбу, хорошо?

– Конечно, магистр, – выдал Грегор, понимая, что спешить во дворец уже незачем, и отчаянно желая сделать хоть что-нибудь, лишь бы не бессмысленно ждать неизвестно чего!

– Благодарю, мой мальчик. – Эддерли потер теперь уже виски и несколько натужно усмехнулся. – Знаете, мне уже и самому кажется, что с мэтром Морхальтом что-то неладно. Все, кто его видит, бесследно исчезают.

– Пропал кто-то еще? – осторожно спросил Грегор, и Эддерли махнул рукой.

– Мэтр Денвер. Только представьте, Грегор! В городе творится Баргот знает что, а глава службы безопасности исчез. И перед исчезновением он как раз собирался навестить милорда Морхальта, они, знаете ли, давние друзья... Грегор? Вы что-то очень бледны...

«Все в порядке», – попытался было сказать Грегор, но не смог выдать ни звука, пораженный невозможной, чудовищной догадкой.

Райнгартен сказал, что Прорыв мог быть искусственным, как же это звучало? Ах да, «наведенный вектор»! И что-то еще очень важное о барготопоклонниках. «Они-то умели делать с порталами такое, что нам и не снилось...»

Барготопоклонники затаились, выждали, когда Орден успокоится, и нанесли сокрушительный удар по Дорвенанту!

Он вспомнил убитых в спину магов-наблюдателей с северной окраины и скрипнул зубами – они и в самом деле без опаски повернулись спинами к мэтру Денверу, своему начальнику. Денверу, который пожертвовал своими людьми, лишь бы выставить Грегора виноватым, лишь бы заставить его отказаться от поисков убийцы! А когда и это не помогло, подсунул ему спятившего Тернера – и Грегор поверил! Поверил, как адепт-первогодок, проклятье!

А мог бы, обязан был подумать, откуда у Тернера, обычного секретаря, столько сил и умения, чтобы провести ритуал незаметно для Избранного Претемной? Должен был понять, что убийство Дортмундера, единственное, как теперь очевидно, совершенное Тернером, он почуял издали, схватил на лету, как и полагается при его силе, а вот смерть Морстена проворонил, хоть и был совсем рядом!

Ну разумеется, если все это время кукловодом был Денвер, все сходится! У старого мерзавца достаточно сил и невероятный опыт, куда больше, чем у самого Грегора! Он же столько лет был главой безопасности Ордена! Все проклятые артефакты, все страшные гримуары проходили через его руки, все расследования по делам служителей Баргота. И не с подачи ли Денвера считается, что этот культ заброшен и не имеет былой силы? Ну еще бы! Если сам Орден прикрывал их, не зная об этом, руками одного из влиятельнейших мастеров!

Но если все так, значит... Значит, принц Кристиан уже мертв. Уже был мертв, когда его искал старший брат, когда Аранвен отправлял гвардейцев на его поиски...

«Претемная, пусть я ошибся! – отчаянно взмолился Грегор, точно зная, что не ошибся ни на ломаный медяк. – Пусть окажется, что я самонадеянный болван и принц жив, а Денвер просто занят, пытаюсь понять, что творится в городе!»

– Грегор?

В голосе магистра Эддерли слышалось отчетливое беспокойство, и Грегор постарался улыбнуться.

– Если я встречу магистра Роверстана, обязательно передам ему вашу просьбу, – уронил он старательно ровным голосом. – А сейчас прошу простить...

– Да-да, конечно, – рассеянно кивнул Эддерли. – Не стану вас больше задерживать. Удачи вам, мой мальчик.

«Благодарю, – подумал Грегор, чувствуя прилив знакомого, но уже давно, казалось, позабытого азарта. – Удача мне определенно понадобится!»

Сначала он допросит Морхальта сам и узнает все, что только возможно! В конце концов, это ведь его старый мерзавец Денвер выставлял болваном, который только мешает истинным мастерам розыска!

Он невольно скрипнул зубами. О да, Денвер был прав, утверждая, будто сектанты поняли, что Грегор непременно их разыщет! Уж он-то прекрасно знал характер бывшего ученика! И позаботился, чтобы Грегор нашел только то, что ему показали.

«Ну уж нет, мэтр Денвер, Барготу вашу душу в лапы! Я дойду до конца, до самого конца! Я притащу вас на суд Ордена и докажу всем, что был прав!»

Уже на крыльце Грегор едва не столкнулся с Роверстаном, спешащим в Академию откуда-то из сада, ответил небрежным кивком на столь же небрежный поклон Белого магистра и зашагал к конюшне. Передать Роверстану приказ Аранвена? Это определенно подождет! Надо еще выяснить, не замешан ли сам разумник в этом заговоре! Он ученик Морхальта, он наверняка посвящен во многие дела бывшего магистра, да и в расследовании, помнится, не слишком помог, хотя исполняет роль историка Ордена. А главное, он разумник!

Пусть эта лицемерная белая братия и клянется, что давно отреклась от своего павшего покровителя, но суть изменить куда сложнее, чем отбелить черные мантии. Роверстан первый под подозрением! И Грегор выяснит правду.

Глава 3. Лекарь Смерть

От Академии дом Морхальта отделяли три торговые улицы. Именно здесь находились кондитерские, куда из года в год бегали адепты, лучшие мастерские артефакторов и лавки алхимиков, и, конечно, памятная «Дымная Фляга», вход в которую адептам был категорически запрещен правилами Академии. Разумеется, как раз поэтому адепты всех факультетов были в ней завсегдатаями. А за этими улицами располагались четыре жилых квартала, где строго запрещалась верховая езда резвее шага. Не хватало еще, чтобы почтенные маги попали под чью-нибудь лошадь!

Правда, сегодня кондитерские были закрыты, старинные особняки тоже казались вымершими, но Грегор все же придерживал коня. Правила есть правила, хотя потерю бесценных мгновений он чувствовал почти физически, как вытекающую из раны кровь.

«Ничего, – попытался он успокоить самого себя. – Зато есть время подумать, как выстроить разговор... Морхальт еще магистром славился скверным нравом, и кто знает, что с ним сделал удар? Однако он, во всяком случае, жив, а значит, его можно допросить. Что и говорить, старику повезло куда больше, чем прочим магам, связанным с Денвером!»

Лошадь сбилась с шага, и Грегор на мгновение отвлекся от размышлений, бросил взгляд под копыта, по сторонам, на всякий случай проверил потоки силы – нет, никакой враждебной магии.

«Может быть, я все-таки ошибся? Морхальт ведь и в самом деле жив, мог ли Денвер допустить такую вопиющую небрежность? Ведь ничто не указывает на него! Ни единого магического следа, и даже его появление на северной окраине можно списать... не на совпадение, конечно, но, к примеру, на маяк, если он почувствовал, что с его наблюдателями случилась беда?»

Грегор стиснул зубы. Да, никаких явных следов, но чутье, чутье Избранного Претемной просто кричало – виноват Денвер!

«Ничего... Морхальт расскажет все, что знает, а потом разберусь с виновником, кем бы он ни был!»

Уже свернув на нужную улицу, он задумался, стоит ли соваться к бывшему магистру в одиночку? Морхальт, конечно, целитель, а не боевик или некромант, и специализация у него, вроде бы, самая безобидная – детские и женские болезни, но все-таки сильный маг... Если же у него еще и охрана есть, визит может обернуться нешуточной дракой.

Но если Грегор прав, и Денвер – поклонник Баргота, службу безопасности Ордена привлекать нельзя. Жаль, конечно. Сейчас бы очень пригодился кто-то вроде Саграсса и его людей. Кстати, вот кого стоит вдумчиво и старательно расспросить насчет случившегося на северной окраине! Это ведь Саграсс тогда появился там вместе с Денвером и еще имел наглость запустить в Грегора заклятием! И на кладбище он тоже был в клятую ночь...

Определенно, за эту нить тоже следует потянуть. Но пока что доверять никому нельзя. Разве что послать за кем-нибудь из бывших подчиненных, честных армейских магов, никак не замешанных в дела Ордена? Но время! И Грегор решился.

В конце концов, из некромантов ему не сможет противостоять никто, кроме Эддерли, которого в такой мерзости не заподозрить, и Денвера – а вот с ним Грегор бы с наслаждением встретился в поединке, если тот виновен. Другие же факультеты... на их участие в заговоре ничто до сих пор не указывало.

Слуги у бывшего магистра явно были ленивы и нерасторопны, добравшемуся до особняка Грегору пришлось долго стучать в ворота позеленевшим от времени медным молотком. Открылись они, с жутким скрипом проворачиваясь на давно не смазанных петлях, только

тогда, когда Грегор уже всерьез выбирал, выбить проклятые ворота «Могильной плитой» или бросить на них «Прах веков», и пусть окончательно рассыплется к Барготовой матери?

Отворивший слуга потоптался на месте и подслеповато сощурился, разглядывая Грегора. На вид ему было лет восемьдесят, не меньше, и выглядел он, как и положено выглядеть профану такого возраста: ветхий, сморщенный, с выцветшими, почти белесыми глазами и обширной лысиной. Одежда, хоть и чистая, но изрядно поношенная, кое-где и вовсе зашита, выдавала камердинера.

«Такой старик – камердинер? И лично открывает ворота? Очевидно, дела Морхальта совсем плохи, если он не может нанять молодого привратника», – мельком подумал Грегор.

– Мне необходимо срочно поговорить с милордом Морхальтом, – уронил он, глядя в бесцветные глаза.

Старик пожевал губами, медленно кивнул – Грегору почти послышался скрип, с которым склонилась его голова – и посторонился.

Грегор вошел в ворота, ведя лошадь в поводу, и пошел за так и не проронившим ни слова камердинером, медленно бредущим по дорожке, когда-то отлично вымощенной, а теперь разбитой и поросшей травой.

Особняк прятался в густом саду, изрядно заросшем и требующем руки садовника, которого здесь, видимо, тоже не было... Зато имелся конюх – здоровенный мрачный мужик лет сорока, который выглянул из конюшни и без единого слова принял у Грегора повод. Немые они тут все, что ли?

Перед тем, как войти в дом, Грегор замедлил шаг и, не обращая внимания на слуг, потянулся к энергиям, что пронизывали особняк и сад. Все-таки соваться в подобное место без разведки точно не стоило. Светлые огоньки, обозначающие жизненную силу, замерцали перед его внутренним зрением. Три, четыре, шесть... В зеленый цвет был окрашен всего один, и Грегор логично предположил, что это хозяин дома. Остальные несомненно принадлежали профанам. Охрана или просто слуги – никакой разницы. Что ж, дело упрощается. Пятерка противников – это для некроманта его уровня и не противники вовсе.

Скорее привычка, чем необходимость, потянула его проверить энергии другого порядка – и почти мгновенно Грегор замер, скривившись от внезапно пронзившей виски боли. Досадливо отмахнулся рукой от удивленно спросившего что-то камердинера, который так и ждал на крыльце, пока гость пройдет дальше. Смерть! Густо-фиолетовые и черные потоки некроэнергии буквально пронизывали определенные области в саду, словно там было... кладбище? Именно! Только не освященное, а обычный могильник.

Простому некроманту для такого понадобился бы сложный ритуал, но Грегору всегда хватало и силы, и умения, и милости Претемнейшей. Он потянулся дальше, пытаясь хоть навскидку оценить количество темных огней, как сейчас воспринимал следы покинувших тело душ... И беззвучно выругался про себя – изумленно и зло. Их были даже не десятки, а сотни! Проклятье, что здесь устроил Морхальт?!

Возле небольшого флигеля, хорошо видного с крыльца, потоки некроэнергии буквально бесновались, вплетая в себя эти огни, и Грегор, возвращаясь в обычный мир, потер виски пальцами и спросил у камердинера:

– Любезный, а что за строение там в саду?

Слуга, нисколько не удивившись, посмотрел в ту сторону, словно сам запомнил, и отозвался глухим невыразительным голосом:

– Бывшая приемная и личный лазарет его светлости. Когда милорд еще практиковал, там жили больные, были родильный зал и детская... Сейчас его светлость оставил практику, и флигель пустует.

Родильный зал и детская? По ощущениям это больше походило на бойню! Грегора замутило, он с отвращением подумал, что повышенная чувствительность имеет свои недостатки.

Любой из коллег, скорее всего, прошел бы мимо, разве что почуяв общий фон. И вряд ли стоило этому удивляться. Конечно, за несколько десятилетий работы магистра у него умерла не одна роженица или младенец, это вообще опасный процесс. Но чтобы столько?!

Ему все больше хотелось развернуться и уйти, а потом прислать сюда команду дознавателей со своего факультета и целительского заодно. И чтобы выяснили, почему у одного из лучших зеленых мастеров пациентки мерли, как в чумном городе. И почему об этом никто не знал! Или знали? У каждого факультета свои скелеты в шкафу, и у некромантов, бывает, они еще не самые клыкастые.

Ясно одно – отступать поздно. Главное, ни к кому не поворачиваться спиной. Он шагнул вперед, и камердинер распахнул перед ним тяжелую, тоже скрипучую дверь. Грегор невольно поморщился от мерзкого звука. Ему случалось видеть более ухоженные логова стригоев, чем этот особняк.

В холле оказалось темновато – ни единого магического шара, ни хотя бы масляного светильника. Деревянные панели на стенах потерлись и лоснились, углы затянула такая густая паутина, что рассеянного света из ближайшей открытой двери хватало, чтобы ее рассмотреть.

«Да... – невольно подумал Грегор. – Слухи о том, что Морхальт разорен, ходили давно, однако я и не предполагал, что дела магистра гильдии – пусть и бывшего! – могут быть столь плачевны. Орден, несомненно, платит ему пенсию, а возможно, жалование платит и корона – хотя бы за лечение принцесс, но ему, похоже, едва хватает на жизнь и содержание дома... Так мог ли старик пойти на похищение принца, если бы это дало шанс вырваться из такой нищеты? Впрочем, скоро узнаю...»

Комната, в которую его провел камердинер, исполняла роль малой гостиной, в пользу этого говорили низкий фраганский столик и несколько кресел на гнутых ножках. На столике стояла высокая темная бутылка, от которой резко и неприятно пахло карвейном, лежали несколько пухлых растрепанных книг – похоже, по медицине, а сам Морхальт сидел в одном из кресел и, несмотря на духоту в комнате, зябко кутался в стеганный домашний халат. Голова у него слегка тряслась.

«От карвейна?» – озадаченно подумал Грегор, присмотрелся к бывшему магистру и едва не присвистнул.

Энергетическая структура целителя была искажена ударом... красной силы! Следы уже почти сгладились, а значит, атаковали Морхальта не раньше вчерашнего дня, но и остаточной эманации хватало, чтобы опознать знакомую магию. Очень знакомую... Грегор совершенно точно уже сталкивался с такой, но вот когда и где? Никак не удавалось вспомнить. Некроманта он бы опознал быстро и легко, но у боевиков почерк иной, это все равно, что разбирать письмо на плохо знакомом языке. Ладно, пока можно отложить...

– Доброе утро, милорд, – произнес он со всей любезностью, на которую только оказался способен.

Морхальт с явным трудом поднял голову и уставился на него мутными, как старое болото, глазами. Хотя бы попытки встать бывший магистр не сделал.

– А, Бастельеро... – проскрипел он спустя несколько мгновений. – Чем обязан?

– Вчера вы были во дворце, – уронил Грегор, поймав себя на странном и неприятном чувстве.

Ему показалось, Морхальт отлично знает, что его подозревают, и тянет время в ожидании... чего?

– Был, – скрипнул Морхальт. – Меня уже допросили люди канцлера. Что, вам не доложили? Дом осмотрели. Никого не нашли.

И вот этот жалкий старик, развалина прежнего магистра, участник заговора? Да кто бы ему доверил такую важную, сложную и опасную роль, как похищение принца?! Ведь можно

было найти иной способ. Глупость, какая глупость... Но огни в саду? Но Кристиан пропал рядом с магистром? Но Денвер?

– Меня интересует не это, – с точно рассчитанной небрежностью бросил Грегор. – Зачем его высочество потребовался мэтру Денверу? Ведь вы увезли принца по его поручению, не так ли?

Он еще успел понадеяться, что все-таки ошибся, что сейчас Морхальт рассмеется памятным по годам учебы резким каркающим смехом и скажет что-нибудь вроде: «Да вы ополоумели, Бастельеро?» И Грегор с радостью признает себя болваном.

Глаза Морхальта сверкнули такой ненавистью, что Грегор едва не отшатнулся. Если бы ненависть могла убивать – от него, пожалуй, и пепла бы не осталось, и значит, значит...

– Убирайтесь, – прорычал старик и начал подниматься, сотрясаясь всем телом, расплывшимся за пять лет, что Грегор его не видел. – Я не стану говорить с зарвавшимся щенком!

– А с кем будете? – холодно спросил Грегор. – С дознавателями Ордена? С разумниками, что вывернут вас наизнанку? Если с Кристианом что-то случилось...

– Можешь спросить у него сам, – прошипел Морхальт, и болотные омуты его глаз вспыхнули такой жуткой ядовитой зеленой силы, какой от бывшего магистра никак нельзя было ждать.

Так не пытаются выставить из дома, так убивают. И все сразу встало на свои места.

Грегор выставил щит за долю мгновения, как и привык, но голова неожиданно взорвалась такой болью, что потемнело в глазах. Словно никаких магических преград между ним и проклятым стариком вовсе не было! Пошатнувшись, он стиснул зубы, ловя потоки чужой силы, но боль мешала, не давала сосредоточиться... Проклятье! Трижды проклятье! Стоило бы подумать, что целители могут не только спасать. Что для них слишком мало тайн в человеческом теле! И что бывших магистров не бывает.

Почти ослепший Грегор, понимая, что счет идет на мгновения, отчаянно выругался и швырнул в Морхальта «могильной плитой», а сразу после – «темной сетью», удерживающей душу.

Если проклятый магистр не пожелал говорить живым – что ж, Грегор с превеликим удовольствием допросит мертвого! Тем более что после нападения вина Морхальта уже не требует доказательств!

От отдачи, которую в ином состоянии Грегор и не заметил бы, его повело, пальцы сомкнулись на спинке кстати подвернувшегося кресла, и несколько мгновений он только глубоко дышал, отгоняя гнусную слабость и заставляя себя не думать о разрывающей виски боли. Пройдет! Уже проходит...

Он наконец взглянул на Морхальта. «Плита» отшвырнула старика к самой стене, и дух, спеленутый «сетью», бился над телом, как рыба на берегу. Ничего, ничего... чем сговорчивее окажется призрак, тем быстрее Грегор его отпустит. Возможно, даже обойдется без какого-нибудь неприятного подарка на прощание!

– Ответишь на мои вопросы и будешь свободен, – процедил он, невольно кривясь: боль и правда отступала, но как же медленно!

Дух дернулся в сети и яростно зашипел. Сеть полыхнула яростно-фиолетовым, и Грегор жестко усмехнулся. «Темная сеть» – отличное заклинание, развяжет язык любому призраку! В Академии его, правда, не преподают, а зря... Но ничего, кое-кому из Воронят он его непременно покажет. К примеру, Эддерли...

– Увезти принца тебе велел Денвер?

Призрак упрямо сжал губы, «сеть» снова полыхнула, вынудив покойного магистра забиться и завывать.

– Да!..

Грегор стиснул пальцы на спинке кресла и тяжело сглотнул.

– Прошлые жертвоприношения пять лет назад проводил он же?
– Да... – простонал призрак. – Нужно было... отработать ритуал...
– Денвер собирался принести его высочество в жертву Барготу?
– Д...дх-х-ха, – прохрипел Морхальт, и петли «сети» чуть опали, давая жертве иллюзию свободы.

– Зачем... – начал Грегор, потом спохватился, что на такой вопрос дух может и не ответить, и поспешно поправился: – Чего он хотел добиться?

– Призвать... Призвать Баргота из-за Грани! Ритуал на крови! Кровавый ключ к порталу! – взвыл Морхальт, и Грегор отшатнулся, не в силах поверить услышанному.

Призвать... Баргота? Денвер что, обезумел? Впрочем, он, конечно, обезумел, если поднял руку на королевскую кровь, но, но...

– Зачем ему это?! – все-таки не выдержал он.

Теоретически дух должен был говорить непременно правду, но только ту, что известна ему лично. Если Морхальт не знал, чем руководствовался Денвер, он бы не ответил, но подобие лица, уродливо проступающее на призраке, исказилось в злобной гримасе.

– Баргот одарил бы своих верных! – рявкнул Морхальт и задергался в «сети» так, что Грегор на какой-то миг усомнился, выдержит ли заклятие. – Мы получили бы силу! Могущество! Покарали бы каждого, кто осмелился помешать...

«Видит Претемная, какая же... какая же немислимая, чудовищная и глупая подлость! Кристиан, Криспин... Малкольм, Малкольм, Малкольм! Ради силы, ради власти... Прямая ветвь Дорвеннов пресечена! Кто теперь взойдет на трон? Денвер, клянусь, ты будешь молить о смерти, как о высшем благе!...»

– В чем была твоя роль?

– Я разработал ритуал, – выплюнул призрак. – Я нашел его в старых трактатах! Они бы ничего, ничего не смогли без меня! Это я расшифровал записи слугителей Баргота! Я, я приносил первые жертвы! Думаешь, было легко? Остальные пришли на готовое, это я все сделал так тихо, что никто не обеспокоился пропажей брюхатых бродяжек! Столько лет! Столько лет...

Грегора замутило, и он еще сильнее стиснул пальцы, услышав, что планка ветхого кресла хрустнула.

– Вы разработали ритуал? – переспросил он негромко. – Проклятье... зачем? Морхальт, старый вы негодяй, вы что, не понимали, что откройся ваш секрет – и не отмылась бы вся ваша семья?! Ваши дочери? Ваши внуки?

– Дочери? Внуки? – недоуменно переспросил призрак, словно не понимая, о чем речь, и вдруг расхохотался. – Семья? Да что мне за дело до этих пустышек, видит Баргот! Пусть бы хоть передохли, все равно от них никакого толку! Я пытался сделать из них что-то настоящее! Но не вышло. Бесплезная шваль, хоть и моя кровь! Это я нашел формулу призыва, я смог перестроить ритуал под жреца-некроманта! А теперь я стал им не нужен, будь они прокляты! Старый – сказали они! Слабый... бесплезный...

– Кто «они»? – уточнил Грегор, которого тошнило от ужаса и гадливости, но он старательно запоминал каждое слово.

– Денвер! Эта сучка Уинн! Да вся ее заслуга только в том, что она доставала деньги! И еще крутила болваном Адальредом! Она должна была заставить его открыть портал Академии в Озерный край! Кольхаун! Ривердейл! Солины! Мерзавцы! Твари неблагодарные! Все меня бросили, а когда понадобился – прибежали! Конечно, ни с кем другим бы мальчишка так легко не пошел...

Морхальт выплевывал имена, даже не сопротивляясь. Страшный и жалкий в своей обиде на бывших соучастников, он не пытался скрыть ничего. К огромному облегчению Грегора, ни Эддерли, ни других преподавателей, кроме Денвера, в списке мстительного духа не было.

Двое-трое полужнакомых некромантов, пара целителей, один, кажется, разумник. Ну что ж, на память он не жалуется, все понесут кару! Кстати, а как же любимый ученик Морхальта?

– Роверстан? – с некоторой надеждой подсказал Грегор, и призрак скривился.

– Этот слюнтяй? Господин Белая Мантия? Чистоплюй непорочный? Да вы обезумели, Бастельеро! Скорее уж на поступок способны вы, чем он... Ему бы и магистром стать не удалось, если бы не протекция канцлера. Доверить ему что-то серьезное?!

Лицо Морхальта исказилось в презрительной усмешке, и Грегору на короткий неприятный миг вдруг показалось, что он смотрит в зеркало.

«Претемная, что за чушь!»

– Убирайтесь, – уронил он, сбрасывая сеть, и отчаянно пожелал Морхальту самой темной и холодной окраины в Садах, а еще лучше – преисподней.

Видит Претемная, старый мерзавец не заслужил ничего иного!

Последний раз отчаянно взыв, дух Морхальта исчез, а Грегор, поборов омерзение, упал в кресло и, нащупав бутылку карвейна, отхлебнул прямо из горлышка. Самое паршивое только начинается, может понадобиться все его сила, а лучшего и при этом безопасного стимулятора для восстановления энергии еще не придумали.

– Уинн... – прошептал он. – Адальред открыл портал ей, значит, он и для меня это делает. Я был прав, Кристиан уже мертв, раз порталы были завязаны на его кровь. Но я должен забрать тело. И закрыть этот барготов лаз в Запределье. Вот именно барготов, да! К самому, значит, Проклятому решили постучать с черного хода, господи? Ну, так я вас прямо к нему и отправлю. Всех, до кого дотянусь!

Карвейн обжег желудок, ни капли не опьянив. Грегор встал, уже не чувствуя слабости, только ярость и желание немедленно действовать. Райнгартен уже должен быть в Академии, он сможет закрыть портал, если тот все еще действует.

Но прежде, чем выйти, он подошел к мертвецу и тщательно запомнил отпечаток алой силы, медленно гаснущий в энергетических сплетениях Морхальта. Кто бы ни приложил мерзавца, Грегор не собирался ставить ему в вину именно это, однако очень хотел найти неизвестного. Чем больше прояснится все, что здесь случилось, тем лучше.

«А ведь кое в чем старый мерзавец Денвер был тогда прав, – шепнула непрощенная подлая мысль. – Такое и вправду лучше скрывать от профанов. Стыдно за собратьев-магов...»

Морхальт нелепой и страшной грудой лежал на вытертом пыльном ковре, слепо глядя в потолок. Всего лишь еще один мертвец из тысяч, виденных Грегором. Что бы ему не сдохнуть несколько десятилетий назад с его гениальным, но нечеловеческим умом и талантом к медицине? Как? Ну как можно было одним и тем же мозгом совершать великие открытия в родовспоможении и исследовать ритуалы Баргота? Спасать одних женщин и безжалостно потрошить других?

Грегора давно уже мутило, не помог и карвейн, а стоило представить, что найдут рядом с флигелем-лазаретом – вовсе затошнило. «Брюхатые бродяжки»... Сила и души не рожденных еще младенцев – величайшая энергия и самая отвратительная по способу добывания. И это целитель?! Его же считали не просто гением, а бескорыстным творцом, всю жизнь и семейное состояние положившим на благо науки! За это прощали и отвратительный характер, и жесткое управление гильдией.

Отчаянно захотелось выпить еще карвейна, однако резерв быстро заполнялся, у Грегора с этим всегда было отлично, а вот опьянение сейчас только помешало бы. Денвер! Срочно отыскать эту тварь, а с уликами в особняке пусть разбираются другие!

«А ведь я только что убил деда своей будущей жены, – пришла еще одна усталая и непрощенная мысль. – Айлин лучше не знать об этом деле ничего! Слишком оно мерзкое, кровавое, отвратительное... Я бы не постыдился этого убийства в ее глазах, но ведь придется рассказать

обстоятельства. Слава Претемной, что они с дедом не были близки. И неудивительно, пожалуй, что дочери его оставили. Или чувствовали что-то, или даже знали... Он и вовсе считал их, профанок, недостойными внимания. Хотя странно... Айлин же не просто магесса, она необыкновенно талантлива. Уникальна в даре! Почему Морхальт говорил обо всех своих потомках одинаково презрительно, словно забыл о ней? Но это к лучшему, определенно к лучшему! И хватит об этом ублюдке...»

* * *

Отряд Аластора добрался до столицы к полудню. Но еще за пару часов до того, как вдали показались высокие городские стены, стало понятно, что в Дорвенне неладно.

– Эй, парень! – окликнул Аластор угрюмого возчика телеги, нагруженной всяким домашним скарбом, уже третьей или четвертой, попавшейся навстречу. – Что в городе творится?

Тот глянул исподлобья, но не ответить дворянину не посмел, разумеется.

– Худо дело, ваша светлость, – бросил мрачно. – Демоны! А еще пожары и барготовы мародеры, чтоб их те же демоны и сожрали.

– Демоны? – вскинулся Аластор. – А ну-ка подробнее!

Вытащив монетку из поясного кошель, он кинул ее вознице, и тот, без всякой радости глянув на целую серебрушку, между прочим, принялся рассказывать. Спокойно, устало и от этого очень убедительно. Как сразу в нескольких частях Дорвенны открылись разломы в другой мир, откуда полезла всякая нежить и барготовы отродья. Как начали вспыхивать пожары, потому что уследить за огнем в разрушенных домах не всегда удавалось, да и лихой люд вечером вышел на улицы, пользуясь тем, что страже не до них. Как принялись громить лавки, конторы менял и трактиры, а потом утром, опьянев от хмельного питья и безнаказанности, некоторые улицы перегородили телегами и срубленными деревьями, крича, мол, если король и лорды не могут справиться с демонами, так простые люди сами возьмут в руки секиры да мечи.

Однако мечи крикуны брать не торопились, все как-то больше тянулись к бочонкам, чужому добру да бабским подолом. И ладно бы только гулящих девиц, так нет же...

Худенькая и просто одетая девчонка лет шестнадцати-семнадцати, скромно сидящая в уголке повозки, боязливо кивнула, подтверждая его слова.

– А что король и лорды? – не веря, но и не в силах отбросить рассказ, как невозможное, спросил Аластор. – А маги? В столице же полно магов!

– Лорды... Они, конечно, делают что-то... – Возница замялся, уже боязливо глянув на Аластора. – Да не в обиду вам, ваша светлость, против демонов у них кишка тонка. Кто собрался да в свои поместья скоренько ускакал, а кто в городских домах заперся да охраной их окружил. Маги, вот, стараются, это да. Только говорят, разломы эти какие-то особо зловредные, закрыть их трудно, а закроешь, так они опять открываются. Словно истлевшая рубаха, которую иголкой ткнешь – а возле заплатки новая дыра ползет. Вот и того, ваша светлость... Решили мы с женой переждать. В деревне, значит, у ее родителей.

– Ну, езжайте, – растерянно сказал Аластор, осаживая Искру и позволяя телеге проехать.

– Значит, везде? – бросил д'Альбрэ, тоже слышавший разговор, как и весь их маленький отряд.

– Баргот знает что... – отозвался Аластор. – Там родители! И мои сестры! Нужно ехать быстрее!

– Не беспокойтесь так, – уронил месьор, проводив телегу взглядом и снова повернувшись к Аластору. – Простолюдины всегда в массе своей трусливы, алчны и склонны к дурному. Если в столице тоже открылась эта дрянь, логично, что начались беспорядки. Но юные леди, насколько я помню, вышли замуж в дом из Трех дюжин. Значит, у их супругов есть возможность защитить свои семьи. Да и вашим почтенным родителям они вряд ли откажут в помощи.

Аластор кивнул, понимая, что фраганец прав. Магистр гильдии стихийных магов и главнокомандующий армии Дорвенанта – разве можно найти более надежное покровительство? Лорды Райнгартены позаботятся и о сестричках, и о батюшке с матушкой. Но все равно... Что же творится с этим миром? Демоны разгуливают по стране, как у себя в Бездне, или где там они обитают! Хоть бы в Академии все было благополучно! Ведь не может Айлин грозить опасность среди множества умелых боевиков и некромантов?

Они продолжили путь в полном молчании: у Аластора на сердце было тяжело, месьора снова бил озноб, а слуги, шепотом обсудив жуткие новости, помалкивали, чтоб не раздражать господ. Вскоре впереди выросла Дорвенна.

У городских ворот злой на весь мир стражник принял от Аластора плату за въезд, но на просьбу поделиться новостями раздраженно мотнул головой на длинную вереницу телег, всадников и просто пешеходов, ожидающих выезда.

– Проезжайте, милорд, – буркнул он. – Видите, некогда нам. Если каждому объяснять, что творится, хоть бы и вашей светлости, так до вечера никого не выпустим.

«Скоро я узнаю все и так, – подумал Аластор, заставляя себя не гневаться на непочтительность. Действительно, нашел, у кого спрашивать. Отец наверняка знает положение дел и в столице, и в самой Академии из первых рук – от Райнгартенов. Я все узнаю! Айлин может о себе позаботиться, к тому же у нее могущественные друзья. Пресветлый Воин, да сам Бастельеро ее куратор! Впервые в жизни я этому так рад! Избранный Претемной не даст свою ученицу в обиду, верно? Только бы она, с ее живым характером и отвагой, сама не влезла во что-нибудь опасное!»

Дорвенна встретила их настороженной тишиной и отчетливым запахом гари в воздухе. Самих пожаров не было видно, однако пустые улицы вместо обычного столичного оживления навевали тоску и злость. Аластор крутил головой, разглядывая закрытые щитами витрины лавок, наглухо запертые двери, ворота и калитки, задернутые плотные занавеси в окнах. Город словно ожидал вражеского нашествия, и это было отвратительно. Но баррикады, о которых говорил беглец на дороге, встретились лишь однажды, когда Аластор со спутниками уже въезжали в свой квартал.

Здесь дорогу в самом деле перегораживала пара телег, возле которых дремал десяток солдат, встрепунувшихся на цокот копыт.

– Кто идет? – окликнул сержант, но, увидев пару дворян со слугами, заметно расслабился.

– Аластор, младший лорд Вальдерон. Следую в особняк своего рода, – отозвался Аластор. – В городе и правда так беспокойно, как говорят?

– Не знаю, что говорят, вашсветлость, – ответил сержант, махнув рукой, и пара солдат откатила телегу в сторону, чтобы кони могли проехать. – А только творится у нас один Баргот знает что. Демоны клятые лезут из всех щелей, как тараканы у хозяйки-замарашки. А люди еще хуже. Лорд Райнгартен расставил посты по городу, но этого мало. Не обессудьте, вашсветлость, но маловато нас для такого дела. Если лихой люд в господские кварталы повалит, снесут нас и не заметят. Больше для предупреждения стоим.

– Ясно, – уронил Аластор. – И все-таки благодарю, сержант. Вас и ваших людей.

– Рады стараться, вашсветлость, – хмуро отозвался тот.

Отряд проехал дальше, и через несколько минут Аластор, спешившись даже раньше слуг, забарабанил кулаком в ворота особняка Вальдеронов, окликая привратника. Хорошие ворота, кстати, добротные, из толстых досок, окованных железными полосами, и на укрепленных магией петлях. А ведь никогда раньше не обращал на это внимания. Вот что значит – беспокойное время.

– Юный лорд! – крикнули за воротами растерянно, но радостно. – Эй, бегом к его светлости! Милорд Аластор приехал!

Ворота распахнулись, кто-то принял коня, выбежали еще слуги, и это оказалось очень кстати, потому что Аластор вовремя, будто его толкнули, обернулся к месьору д'Альбрэ. Фраганец, посеревав, качнулся в седле, ухватился за луку, но обмяк, теряя сознание.

– Лекаря! – крикнул Аластор, подхватывая наставника и с ужасом понимая, что тот горит в лихорадке. – Скорее!

... – Как же вас угораздило, Жозеф... – вздыхал примерно через час отец, сидя в кресле посреди гостиной. – Я бы себе в жизни не простил вашу смерть!

Фраганец, все еще бледный и слабый после операции, лежал на диване и прихлебывал горячий шамьет с медом, единственное, что разрешил пока целитель. Его плечо с недавно вскрытой, вычищенной и тщательно залеченной раной белело повязкой, лоб усыпали бисеринки пота, но лекарь клялся, что жизни и здоровью пациента ничего не угрожает.

– Ну-ну, Себастьян, – усмехался месьор слегка сконфуженно. – Меня даже демоны выплюнули, слегка надкусив. Признали слишком ядовитым... Но, признаюсь, могло обернуться куда хуже, если бы не ваш наследник. Он показал себя с наилучшей стороны и в сражении, и в управлении поместьем.

– Я горжусь тобой, сын, – улыбнулся отец, тепло посмотрев на Аластора. – Ты правильно сделал, что приехал в столицу. Но вот вести, что привез, не радуют. Я-то надеялся, что дома все в порядке, даже думал просить у лорда Райнгартена сопровождение, чтобы уехать туда. А получается, что едва не отправился из одной беды в другую. Боюсь, в столице сейчас не найдется свободных магов, чтобы отправиться к нам. Они здесь-то едва справляются. Непонятно что творится. Ходят странные и страшные слухи о том, что первый разлом раскрылся прямо во дворце, но неясно, кто погиб.

– А что в Академии, отец? – не вытерпел Аластор, глотая горячий шамьет и едва не обжигаясь от нетерпения. – Адептов распустили по домам?

– Лорд Райнгартен говорит, что в этом нет необходимости, – вздохнул отец, бросив на него очень понимающий взгляд. – Уследить за таким количеством детей и молодежи проще, когда они в одном месте, да и охранять их легче. Не тревожься, мальчик мой, в Академии все должно быть в порядке!

– А если и нет, нам об этом не сообщат, – мрачно сказал Аластор. – Мне нужно... хотя бы написать ей письмо. Лорд Райнгартен ведь не откажет в таком пустяке? Она совершеннолетняя девица, в этом нет ничего зазорного. А если его светлость усомнится, пусть прочтет, я не собираюсь писать ничего постыдного. Просто хочу убедиться, что с ней все хорошо.

– Я понимаю, мальчик мой, – кивнул отец на этот раз сочувственно. – Однако это все равно потребует времени. И придется отправлять кого-то в дом Райнгартенов, а это небезопасно. Да – да, я знаю, что ты можешь съездить сам. И не сомневаюсь ни в твоей храбрости, ни в воинском искусстве. Но в городе и правда небезопасно, Аластор. Умоляю, пощади сердце своей матушки и подожди день-два. Я уверен, вскоре войска наведут порядок и усмирят обнаглевший сброд.

Аластор закусил губу, готовясь привести какой-нибудь веский довод, который вот прямо сейчас предстояло выдумать, но отец добил его своим, совершенно неотразимым.

– Подумай и о чувствах юной леди! Сейчас она полагает, что ты вдалеке от столицы в полной безопасности! А если она узнает, что ты рядом и желаешь встречи, не толкнет ли ее это на... необдуманный поступок?

Аластор чуть не задохнулся, представив себе Айлин такой, какой ее запомнил, с шальным упрямством в ярких зеленых глазах, с решительно выдвинутым подбородком. И ясно понял, что отец прав! Айлин еще как может выкинуть что-нибудь этакое! Во всяком случае, та Айлин, с которой он был знаком. Неизвестно, как она изменилась, вдруг стала милой, скромной и боязливой, как положено леди? Но что-то подсказывало ему, что скорее демоны скопом себе-

рутся и улетят в неведомые страны, как птицы по осени, чем с Айлин произойдет подобная перемена.

– Хорошо, отец, – беспомощно склонил он голову. – Пару дней я подожду.

Глава 4. Оборвавшийся след

– Выпустите меня! Откройте, дерьмо Барготово! Да откройте же, это важно! Я не сумасшедший и не пьяный! – глухо доносилось из подвала.

– Ага, как же, – ухмыльнулся один из пары магов-боевиков, дежуривших во флигеле Службы безопасности. – Уж не знаю, с чем он карвейн мешал, но с трезвых глаз такое не привидится. Чем можем служить, милорд? – почтительно обратился он к Грегору.

– Мэтр Денвер на месте? – резко, но с тайным замиранием сердца спросил Грегор, не обращая внимания на вопли проштрафившегося адепта или младшего преподавателя.

Обычное дело. Посидеть несколько часов, а то и ночь в холодном подвале рядом с академическим моргом – самое то, что нужно для протрезвления. Хм, а голос вроде знакомый...

– Никак нет, милорд, – отрапортовал боевик. – Мэтр Денвер со вчерашнего утра не появлялся. Как пьяного Лионеля притащил и велел в холодную сунуть, так и пропал. Дурень Саграсс, это же надо было набраться до барготовых демонов, – поморщился он. – А нам теперь слушай эти вопли.

– Со вчерашнего утра? – отчаянно переспросил Грегор, понимая, что след мерзавца уже давно простыл.

А потом осознал сказанное дежурным. Саграсс! Это его удар красной силой читался в энергетической структуре Морхальта! На северной окраине, в доме с убитым адептом, Саграсс метнул в него заклятием, вот откуда Грегор помнит его почерк! Но что же это получается? Денвер выдал его за пьяного? Почему?

– Открывайте камеру! – велел он.

– Не положено, милорд, – растерянно отозвался второй дежурный, но тут же побледнел и вскочил под яростным взглядом Грегора, быстро проговорив: – Ладно, как скажете, большой беды не будет...

Грегор влетел в холодную, изнывая от бессильной злости, захлопнул за собой дверь перед носом дежурных и рывкнул:

– Где Денвер?

Саграсс, лохматый, в измятой одежде, с налившимися кровью глазами и бледный, как мертвое, при его появлении попытался вскочить, но с искаженным лицом опустился на узкую деревянную койку, застеленную одеялом, и заторопился:

– Лорд Бастельеро, умоляю! Я не пьян и не безумен! Вы должны мне поверить! Нужно остановить Денвера! Он украл принца! Я не знаю – зачем, но он на все способен...

– Молчать... – прошипел Грегор, прерывая поток бессвязных слов, и тут же гаркнул: – Саграсс! Вы боевик или нервная девица?! Успокоиться и доложить по форме!

Подручный Денвера захлебнулся очередной отчаянной фразой, смолк, а потом, как и ожидалось, выдохнул уже сосредоточенно и четко:

– Разрешите доложить, милорд. Мэтр Денвер и его сообщник, бывший магистр Морхальт, похитили его высочество Кристиана. С неизвестной мне целью. Вчера утром. Я невольно в этом участвовал, но я не знал! Пресветлым Воином клянусь, я не знал, что происходит!

Он встряхнул головой, и присмотревшийся Грегор увидел в сплетении телесных энергий боевика остатки сразу двух некромантских заклятий. Совсем недавно Саграсса очень качественно приложили параличом, а потом еще «пьяный язык» напустили. И вот этот почерк скрипнувший зубами от злости Грегор ни с каким другим не перепутал бы. Денвер, чтоб его!

– Ближе к делу, – бросил он, и Саграсс торопливо кивнул.

– Мэтр Денвер сказал мне, что Морхальт замешан в поклонении Барготу, – так же поспешно продолжил он. – Я должен был наблюдать за ним и при появлении посторонних немедленно доложить Денверу. Напротив особняка Морхальта Денвер снял дом, отпустил хозяина и слуг. Я должен был там находиться неотлучно, даже еду приносили.

Он поморщился, а Грегор вспомнил наблюдателей, убитых на северной окраине. Как знакомо.

– Вчера утром к особняку приехала карета с королевским гербом и забрала Морхальта. На этот случай у меня был приказ ожидать на месте. Я и ждал...

Саграсс опять скривился, и Грегор сообразил, что у боевика должна жутко болеть голова. Протянув руку, он вытащил остатки темных нитей, вплетенных в энергетические потоки Саграсса. Не из жалости, а чтобы рассказ был как можно точнее. Однако Саграсс благодарно кивнул и продолжил:

– Морхальт вернулся через три часа, примерно к полудню, но уже в другой карете. Кучер помог ему выйти, а потом вытащил из кареты парня лет восемнадцати-двадцати. Профан, самый обычный, одет как дворянин. Лицо такое непримечательное... И то ли под заклятием, то ли просто оглушенный. Я не знал, кто это! Он выглядел совсем иначе, понимаете?!

– Дальше! – бросил Грегор.

– Я нарушил приказ, – обреченно сказал Саграсс. – Подумал, что парня готовят в жертву. И если за ним явится несколько человек, я могу и не успеть. Или не отбиться. Я... вошел в особняк, приложил Морхальта Молотом... Легко, чтобы этот старый пень не рассыпался! Забрал мальчишку и отвез его в Академию. К Денверу. Милорд, я Пресветлым клянусь, если бы знал, что это принц...

– Денвер, полагаю, обрадовался, – ледяным тоном подсказал Грегор, и Саграсс кивнул.

Склонил голову, будто пряча взгляд, но тут же снова поднял ее и посмотрел Грегору в глаза. Сказал с таким же холодным спокойствием, не пытаясь оправдываться и, несомненно, отлично понимая, что за этим следует:

– Мэтр Денвер обрадовался чрезвычайно. Он ударил меня заклятием, я не мог шевелиться и говорить, но понимал и видел все. Он снял с принца иллюзию и сказал, что я отлично послужил делу Баргота. И велел сказать вам... Цитирую: «Когда надменный дурень Бастельеро доберется до тебя, передай ему мои наилучшие пожелания и совет сдохнуть как можно позже. Дорвенант ожидают интересные времена, помешать этому он уже не сможет, но пусть помнит, каким болваном был».

Грегор прикрыл глаза, изо всех сил сдерживая дикое желание убить, размазать, растереть в порошок... За неимением Денвера – хотя бы этого наглеца! Тупицу, погубившего Кристиана! Мага и дворянина, виновного в пресечении королевского рода! Мгновения тянулись мучительно, и единственное, что спасло Саграсса, это то, что Денвера Грегор ненавидел несравнимо больше.

– Что было потом? – выдавил он, не открывая глаз, хотя уже примерно представлял, что услышит.

– Потом Денвер снова накинул на принца артефакт с иллюзией, вызвал дежурных и велел отнести меня в холодную, – с бесстрастной обреченностью сказал Саграсс. – Говорить я не мог, а когда речь вернулась, мне никто не поверил, конечно. Посчитали мертвецки пьяным, я же кричал такие невозможные вещи. Милорд, умоляю! Я готов принять любую кару. Любую, слышите? Но скажите его величеству, что я не предатель. Я не знал! Я бы умер за королевскую кровь! Я...

– Некому говорить, – тихо уронил Грегор, вдруг перестав злиться на этого глупца, которого Денвер погубил в благодарность за честную службу.

Кто бы ни взошел на трон, Саграсса, косвенно виновного в смерти принца, не ждет ничего хорошего. Если боевик пройдет испытание у магов разума и подтвердит правдивость своего рассказа, то... опала – это самое меньшее. И ему, и всей его семье. А у него двое младших братьев, тоже маги, один учится на факультете некромантии на одном курсе с Айлин Ревенгар, второй еще ребенок... И их судьбы Денвер тоже растоптал. А скорее всего Саграсса казнят, потому что он был слишком близок к Денверу, много лет выполняя его поручения.

– Его величество и принц Криспин тоже мертвы, – беспощадно сказал он и увидел, как измученное лицо Саграсса, верно понявшего это «тоже», заливают вовсе смертельная белизна. – Вы будете ждать своей участи здесь, и решать вашу судьбу не мне.

– Да... милорд... – почти беззвучно сказал Саграсс и наконец-то уткнулся лицом в ладони, согнувшись на кровати в безмолвном отчаянии.

Грегор вышел из камеры и бегом поднялся наверх. В висках стучала кровь, требуя немедленно сотворить хоть что-нибудь, лишь бы выплеснуть иступленную ярость, смыть унижение.

– Саграсс остается под стражей! – резко сказал он вскочившим при его возвращении дежурным. – Доступ к нему только дознавателям Ордена. Бумага и чернила есть?

– Да, милорд, – растерянно отозвался один из дежурных, взглядом указывая на стол, где стояли кувшин с шамьетом, какая-то еда, доска для «арлезийских башен» с недоигранной партией и чернильница.

Грегор присел на стул, взял перо. К Эддерли прямо сейчас идти нельзя! Магистр имеет право запретить ему самостоятельное расследование. А в подобном случае Грегор просто сойдет с ума от невозможности отомстить! Есть еще слабый шанс, что Денвер до сих пор на месте ритуала. Наверняка с ним кто-то из барготопоклонников, но плевать! Даже напротив, это хорошо!

Он почти с наслаждением подумал, что убьет всех, кого там застанет. Никакого суда для тварей! Их все равно приговорят к смерти, он просто выполнит приговор как можно раньше.

«Магистр Эддерли! – торопливо написал Грегор. – Смерть короля и принцев – дело поклонников Баргота. Морхальт признался, будучи призраком, и я заверяю это своим словом. В саду Морхальта огромный беспокойный могильник, пошлите туда людей. Глава заговора – Денвер, список остальных прилагаю, нужно взять под стражу всех, кто еще не сбежал. Я отправляюсь к месту ритуала, возьму с собой Райнгартена. Координаты портала у Адальреда, если не вернемся через два часа, пришлите кого-нибудь. Ваш Грегор».

Перо замерло над последней строчкой. А ведь если Эддерли получит послание прямо сейчас, то успеет помешать. Значит... его нужно передать, уже отправляясь. Райнгартен! К Адальреду нужно идти прямо с ним.

Сжимая в пальцах едва просохший листок, Грегор выскочил из флигеля и стремительно прошагал к основному корпусу Академии. В воздухе витало что-то странное. Что-то знакомое и очень неприятное, словно остаток сильных чар, уже рассеявшихся, но оставивших отвратительное послевкусие. «Наверное, отдача от Разлома во дворце, – подумал он. – Когда подобная дрянь открывается рядом с тобой, в личных энергиях остаются следы. Надо будет показаться целителям. Потом...»

Ему повезло, Райнгартен попался навстречу прямо в холле первого этажа.

– Этьен, вы идете со мной! – сообщил Грегор, бесцеремонно хватая стихийника за рукав мантии. – Мы немедленно отправляемся к месту основного разлома.

– Вы рехнулись! – возмутился магистр, но покорно пошел. – Я еще после вчерашнего сам не свой. Какой Разлом?! А если там демоны?!

– Мне плевать, кто там, – яростно прошипел Грегор. – Если там демоны, им же хуже!

Про барготопоклонников он умолчал, резонно рассудив, что тогда не в меру рассудительного стихийника и силой в портал не затащишь. Мелькнула мысль, что стоит прихватить с собой несколько боевиков, да и помощь других магистров не помешала бы. Кристоф! Проклятье, он ведь тоже крови Дорвеннов. И в любой момент главе Красных угрожает смертельная опасность. Задержаться и предупредить его?

– Что?! – взвыл Райнгартен, благо в коридоре, ведущем к южному крылу, никого, кроме них, не было. – Вам, может, и плевать, а мне, представьте, нет! Я кормом для этих тварей, как Великий Магистр, становиться не собираюсь!

Грегор остановился как вкопанный, отпустил стихийника и потрясенно взглянул на него.

– Как Великий Магистр? – переспросил он. – То есть... Погодите, что с ним случилось? Когда?

– Вы что, не знаете?! – выдохнул потрясенный Райнгартен. – Бастельеро! Да где вы были все это время?! Вы действительно не знаете ничего?! Про Великого Магистра? Про Кристофа? Про то, что здесь вчера творилось?!

– Я не заходил сегодня в преподавательскую, – сквозь зубы проговорил Грегор. – Приехал из дома и сразу пошел на лекцию. Потом уехал... в одно место. Райнгартен, объясните уже, Баргот вас побери!

– Себе его возьмите, – огрызнулся стихийник. – Я сам вчера был во дворце вместе с вами! А пока там открывался разлом, убивший короля и наследника, второй случился здесь, прямо в зале Совета! Нестабильный, понимаете?! Великий Магистр погиб, а Кристоф... Он закрыл эту дрянь собой! Запечатал ритуалом ключа на крови!

– О Претемная... – прошептал Грегор, для которого картина случившегося стала еще яснее.

Портал на кровь Дорвеннов, ну конечно! В зале Совета он навелся на магистра Кристофа! И Кристоф, получается, пожертвовал собой, спасая Академию от нестабильного портала с ордами демонов по ту сторону... Но никто не понял, что сам боевик и послужил его причиной. Закрыть! Немедленно закрыть первопричину, исходный разлом!

– Это ничего не меняет, Этьен, – сказал он устало. – Напротив, именно потому мы должны прекратить происходящее. Давайте просто сделаем это! Вы вчера заштопали проклятую дыру в несколько минут!

– А если у меня их не будет? – хмуро поинтересовался Райнгартен, сам уже наверняка сообразивший, что Грегор прав, закрывать нужно исходный разлом и как можно скорее. – Если нас размажет порталом во время перемещения? Погодите, вы же тогда и про Дорвенну не знаете?! Порталы тоже нестабильны! А в городе беспорядки, потому что разломы открылись и там. Сообщают о четырех как минимум!

«А эти – то откуда? – изумился Грегор. – Неужели были еще бастарды, кроме Кристофа? И еще сто раз проклятье! Стоит всем понять причину разломов, как всем станет ясно, что в принцессах нет крови Дорвеннов! При них-то разломы не открываются! Но об этом потом...»

– Портал обеспечит Адальред, – сказал он твердо. – Уж магистр артефакторики позаботится, чтобы мы добрались до места невредимыми. А если вы все равно боитесь, я поставлю щит! На обоих!

– Сам поставлю, – фыркнул уязвленный до глубины души стихийник. – Возомнили о себе! Я, конечно, не Избранный, но уж как-нибудь...

– Вот и отлично! – рявкнул Грегор, заталкивая Райнгартена в личную мастерскую Адальреда, к которой они как раз подошли.

– Чем обязан? – удивленно поднял голову от стола магистр.

Райнгартен все еще обиженно фыркнул, сухо поклонившись артефактору и всем своим видом показывая, что не имеет никакого отношения к действиям спутника. А Грегор глянул на старшекурсника в мантии Синего факультета, который с очень несчастным видом оттирал пятно на другом столе.

– Юноша! – позвал он. – Будьте любезны сходить на факультет некромантии и передать этот листок магистру Эддерли. Только лично ему в руки!

Спохватившись, он сложил послание и запечатал его магически.

Адепт вопросительно глянул на своего магистра, но тот кивнул, а потом, проводив выскокившего за дверь парня взглядом, недовольно посмотрел на Грегора и сообщил:

– При всем уважении, мэтр Бастельеро, распоряжаться чужими адептами в присутствии их преподавателя – дурной тон.

– Дурной тон? – повторил Грегор, шагая к столу, за которым сидел артефактор, и опираясь ладонями о его крышку. – Адальред, вы не представляете, во что вляпались! В Академии заговор барготопоклонников против короны! Погибла вся королевская династия! И глава нашего Ордена – тоже! О других жертвах я уже не говорю.

– И что? – брюзгливо отозвался артефактор, явно еще ничего не понимая. – Вчера я там был, между прочим. В отличие от вас. И смею заметить...

– Не смеее, – прошипел Грегор. – Вы ничего не смеее сказать, потому что замешаны в заговоре по самые уши. Точнее, не вы, а ваша драгоценная Уинн! У меня на руках показания, что она барготопоклонница! Она участвовала в кровавом ритуале! Над членом королевской семьи! А вы, жалкий болван, были ее ручной зверушкой! Она вас использовала! Это же вы открывали ей портал вчера утром?! А знаете, что именно там принесли в жертву принца Кристиана?!

– Грегор... – осторожно напомнил о себе Райнгартен.

Но Грегор лишь отмахнулся от стихийника, яростно продолжив:

– Благодарите Всеумелого Мастера, что один из главных виновников подтвердил вашу непричастность! Вы не убийца, но кукла настоящих убийц! Их слепое орудие! Неужели вы поверили, что нужны ей...

Он осекся, видя, как артефактор молча рванул рукой воротник синей мантии, словно тот его душил, и как лицо его налилось дурной кровью.

– Она... не могла... – просипел Адальред, глядя умоляюще. – Не могла меня обмануть... Она любит меня...

– Да очнитесь вы! – крикнул Грегор. – Столица в разломах! Королевство и Орден обезглавлены! А вы думаете о своей... своей пассии?!

– Осторожнее, Грегор, – тихо сказал позади Райнгартен, и Грегор опомнился.

Действительно, если сейчас Адальреда хватит удар, кто откроет портал?

– Перенесите нас туда, – сказал он уже спокойнее. – И я буду ходатайствовать о вашем помиловании. В конце концов... не вас первого обманывает женщина.

Собственный позор глухо и противно всплыл в памяти. О да... Грегор тоже видел смысл жизни в одной-единственной женщине, ее улыбках, взглядах... да просто в том, что она помнит о нем благодаря его победам! Пожалуй, Адальреда с его глупой и жалкой любовью к магистрессе Уинн можно понять.

– Что мне делать? – беспомощно и как-то по-детски спросил артефактор, переводя взгляд с Грегора на Этьена Райнгартена и обратно. – Я... я вам не верю. Она не могла. Но если это правда... Мне тогда незачем жить, понимаете? Если все это было ложью... все годы...

На мгновение Грегор почувствовал укол жалости. Но тут же сочувствие сменила злость, круто замешанная на собственном позоре, и он бросил Адальреду:

– Да делайте, что хотите! Отправьте нас туда и дайте координаты тем, кто за ними придет. А потом хоть вешайтесь, мне, право, дела нет!

– Да-да, конечно... – с нелепой застывшей слабой улыбкой сказал Адальред. – Я вас отправлю. Это... Озерный край. Да вы и сами знаете, наверное.

– Озерный край? – уточнил Грегор. – Где максимальное истончение слоя реальности? Ладно, разберемся!

– Это не опасно? – влез Райнгартен. – Адальред, я вам э-э-э... глубоко сочувствую... но если портал не стабилен... а они сейчас все не стабильны!

– Мои – стабильны, – на миг став прежним, холодно сказал артефактор. – Вы же не думаете, что я рисковал бы... Констанцией.

«Констанция? – поразился Грегор. – А ведь я даже не знал, как ее зовут. У этой желчной, некрасивой, злой и жадной женщины было имя? И сама она была смыслом жизни для вот этого нелепого человека, помешанного на работе и на ней, своей любви? Претемная, как же странно и горько...»

Адальред тяжело поднялся из-за стола и скупыми движениями, как оживленный голем, подошел к стоящей у стены каменной горгулье. Сунул ей руку в открытую пасть, что-то там повернул. Глаза горгульи засветились ярко-голубым, два луча скрестились на полу, образовав круг света, и артефактор обернулся.

– Вот, – просто сказал он. – Заряда портала хватает на пять часов. Я не буду его отключать, клянусь Всеумелым Мастером. Координаты уже заданы. Я никогда не спрашивал Констанцию, зачем ей куда-то нужно. Просто делал, как она хотела. Вы сможете вернуться обратно этим же порталом.

– Стабильный портал, заряженный на такое время? – недоверчиво переспросил Райнгартен. – В точку пространства почти у границ Дорвенанта?

– Я его усовершенствовал, – ответил Адальред, и в его голосе прозвучала тень былой брюзгливой надменности. – Но воспользоваться им могу только я. Так что поторопитесь.

– Идемте, – бросил Грегор, и Райнгартен, в последний раз подозрительно оглядев круг света и проверив его магическим пассом, ступил в портал, одновременно ставя щит.

Грегор последовал его примеру. Его пробрала знакомая дрожь, в этот раз особенно сильная. В ушах зашумело, привычно потемнело в глазах, но он упрямо шагнул вперед, прикрываясь щитом, и... вышел из портала на другой стороне. Из мастерской артефактора – на густую, еще по-весеннему невысокую траву, покрывающую вершину холма.

– Всеблагая Мать! – то ли ругнулся, то ли взмолился рядом Райнгартен, и Грегор его понимал.

Всю макушку холма занимало жерло огромного разлома, повисшего над выжженным кругом земли, спекшейся от страшного жара. Вокруг валялась примерно дюжина тел в самых причудливых позах, тоже обгоревших, изуродованных страшным выбросом силы. А в середине круга, по странной причуде магии совершенно не тронутый огнем, смотрел в небо над порталом принц Кристиан. Его руки и ноги были растянуты и привязаны к колышкам, придавая жуткое сходство со звездой. Грудь юноши вскрыли так же, как у первых жертв пять лет назад, и засохшая кровавая лужа окружала тело.

Райнгартен ругался и поминал Всеблагую где-то за плечом Грегора. А Грегор прошел мимо мертвецов, не приглядываясь к остаткам лиц, шагнул в круг, с усталым равнодушием нарушая его границу, вытащил ритуальный кинжал, оставленный в груди на том месте, где должно было быть сердце. И поднял уже застывшее тело на руки, остро жалея, что не может

ни плакать, ни кричать, ни молиться, ни проклинать. И даже убивать здесь уже некого. Ни людей, ни демонов.

– Он нестабилен! – нервно предупредил Райнгартен. – Грегор, он в любой момент может снова рвануть. Или открыть лаз в Запределье. Или...

– Ну, так сделайте с ним что-нибудь, – спокойно велел Грегор, бережно вынеся тело из круга.

Он снова не успел. Как нелепо и подло... Мальчишка, сын его друга и короля, не дождался помощи. Умирал в ужасе и боли, преданный тем, кому доверял, отданный твари Денверу по чудовищной ошибке Саграсса. И винить некого, наверняка старый мерзавец валяется среди тех, кого убил ритуал. Игры с Барготом хорошо не заканчиваются. И все бессмысленно. Только кровь на траве, горящая столица и смута впереди.

«Мне придется вернуть Беатрис тело ее сына, – подумал Грегор. – Ее последнего сына... Именно мне. А ведь она еще надеется, наверное. Даже сейчас. Какой бы чудовищной женой она ни была, но своих детей любила. Претемная, помоги! Я столько раз отправлял солдат на верную смерть, не считая себя преступником. Но в гибели этого юноши я неповинен, а чувствую себя так, словно сам искромсал его ножом. Первая жертва, с которой все началось. И сколько их еще будет! И... как мне посмотреть в глаза его матери?»

* * *

Айлин еще несколько минут постояла неподвижно, глядя вслед скрывшемуся за деревьями магистру, встряхнула головой, прогоняя так некстати окутавшую ее легкую истому, и задумалась.

Значит, совет глав гильдий? Ну, это понятно, наверное, сегодня же выберут нового Архимага, не допустят же милорды магистры, чтобы Орден никто не возглавлял? И это в такой момент!

Место магистра Кристофа наверняка без всяких выборов займет его заместитель, мэтр Ладецки. Порядки на Красном факультете просто армейские, некроманты всегда их вышучивали. А зря, в такой беде, как сейчас, это очень удобно...

А новым королем – как же жаль, до злых отчаянных слез жаль принца Криспина! – станет его высочество Кристиан? Айлин почти увидела вредного мальчишку высоко на дереве и прикусила губу. Хорош будет король! И тут же одернула себя – ведь принцу тогда было всего двенадцать! Теперь его высочеству уже восемнадцать, он ведь немного старше, чем она, и принц наверняка не делает подобных глупостей. Кроме того, у него есть лорд-канцлер Аранвен, который, конечно, поможет новому королю принять власть...

Да и если быть совершенно честной, спрятаться на дереве от старшего брата – куда меньший проступок, чем... чем все, что она сама делала в этом возрасте! Чего только стоит свидание покойных мэтров Кирана и Мэрли! Нет, об их встрече она совсем не жалеет и устроила бы ее снова! Но вот Аластора непременно отговорила бы от посещения!

Аластор... У Айлин вырвался невольный вздох. Какое счастье, что его нет в Дорвенне! Он, по крайней мере, в совершенной безопасности.

А что же делать ей? Магистр Роверстан запретил покидать Академию, но ведь он говорил о пожарах и мародерах, с которыми не справляется городская стража. Разве могут маги в

такой момент оставаться в стороне? Вот отец наверняка не стал бы отсиживаться за стенами Академии!

Впереди за кустами мелькнули черные мантии, и Айлин встрепенулась. Встречаться с другими адептами ей совсем не хотелось! Наверное, следует вернуться на уроки?

Но она не успела даже сойти с места, как из-за кустов вынырнул взлохмаченный Саймон.

– Ага! – торжествующе протянул он. – Я же говорил, что она здесь! Ревенгар! Нам сейчас такое рассказали, а ты все пропустила!

Он выбрался на поляну, за ним шагнул Дарра, очень бледный и тоже растрепанный. Немыслимо! Пусть даже в его случае растрепанность заключалась в том, что шейный платок из фиолетового шелка немного сбился набок. За Даррой показались и прочие Вороны, взволнованные и запыхавшиеся.

– Что я пропустила? – осторожно уточнила Айлин.

– Порталы в Запределье! – выдохнул Саймон, горя глазами, а Дарра едва заметно поморщился. – Лорд-канцлер прислал извещение Дарре...

– А еще появились мародеры и начались пожары, – машинально повторила Айлин слова Белого магистра и вздрогнула, поймав обиженно-недоумевающий взгляд Саймона.

– Эй, так нечестно! Откуда ты знаешь?!

Айлин прикусила губу, скользнула взглядом по лицам названных братьев. Дарра встревожен, Галлахер и Кэдоган смотрят с любопытством, Сэвендиш хмурится, Драммонд переводит взгляд с нее на Саймона, с Саймона – на Дарру...

– Я... мне сказал милорд магистр Роверстан, – выдавила Айлин.

– Магистр Роверстан? – переспросил Саймон, глядя на нее с подозрением, и тут же бросил быстрый взгляд на Дарру. И Драммонд тоже взглянул на Дарру, нахмурился и посмотрел на Айлин с неприязнью... Что это с ними? – С какой это радости он с тобой так разоткровенничался? Ты же некромантка, а не разумница!

– Саймон, ты бестактен, – тяжело уронил Дарра и побледнел еще сильнее.

Его тонкие губы почти побелели, но серые глаза смотрели на Айлин твердо и прямо, так что под их взглядом ей стало непереносимо стыдно. Она впервые поняла, что до самого лета ей придется таиться от самых близких, чтобы не нарушить данное магистру слово. И неизвестно, простят ли ей это Вороны... а Дарра продолжил:

– У милорда Роверстана безусловно были веские причины. Если тебе неизвестно, магистр дружен с почтенной тетушкой милой Айлин, и вполне естественно, что он счел необходимым позаботиться о ее племяннице.

– А ты зануда! – возмутился Саймон. – Бестактен да бестактен, только это от тебя и слышу! Когда я умру от твоего занудства, прикажу, чтобы на моем надгробье высекли: «Это Саймон, он был бестактен»!

Дарра тяжело вздохнул, и Драммонд за его плечом бросил мрачный взгляд уже на Саймона, обидевшего его покровителя и кумира.

– Пожалуйста, не ссорьтесь! – вскрикнула Айлин. Не хватало только склоки сейчас, когда все должны держаться вместе! – Саймон вовсе не сказал ничего бестактного! Дарра прав,

милорд магистр дружит с моей тетушкой и ее супругом. Поэтому он предупредил меня о разломах...

Она запнулась, с ужасом ощущая, что краснеет. Но она ведь не солгала ни словом, просто не сказала всего! И вообще, это все никак не касается Саймона, да и остальных тоже.

– Ну... ладно... – нехотя протянул Саймон, и Дарра спокойно кивнул. – Раз ты уже все знаешь... Пойдешь с нами? Мы собираемся к артефакторам за защитными амулетами!

Айлин поспешно кивнула, обрадовавшись перемене темы, и пошла рядом с Даррой, все еще пытаясь осознать происходящее. Демоны, разломы... Не отменяют ли занятия в Академии? И как бы узнать, все ли благополучно в особняке Ревенгаров? Да, конечно, она больше не считает Артура и леди Гвенивер своими родными, но... Ей просто не хочется, чтобы с ними что-нибудь случилось. Артур писал ей все эти годы, пусть это и были только формальные поздравления с приглашениями. Вдруг им нужна помощь?

В самом начале южного крыла у Айлин резко и сильно закружилась голова. Она сбилась с шага, а потом и вовсе остановилась, пытаясь понять, что произошло. Неужели новый прорыв?! Но нет, ничего похожего ни на ледяную лапу, сжимающую сердце, ни на знакомое предчувствие беды. Скорее уж это смахивало на близкий выплеск некроэнергии, ничего странного...

Некроэнергия – в крыле артефакторов?!

– Милая Айлин? – услышала она обеспокоенный голос Дарры мгновением раньше, чем почувствовала легкое прикосновение к плечу. – С вами все в порядке?

– Некроэнергия. Сильный выплеск, – пробормотала она, чувствуя себя бестолковой, но не в силах объяснить, что заставило ее остановиться. – Впереди и справа...

Саймон, шедший впереди, бросил на нее изумленный взгляд через плечо.

– Ревенгар, все мастерские слева! По правой стороне только личная лаборатория и покои магистра Адальреда, откуда бы там взяться некроэнергии?

– Действительно, откуда? – ровно согласился Дарра. – Господа, следует проверить все помещения справа. Немедленно. Если тревога окажется ложной, принесем извинения.

– Влетит нам, и никакие извинения не помогут, – мрачно предсказал Сэвендиш, но замер перед первой дверью, перед второй остановился Кэдоган.

Айлин прошла мимо них – ее словно тянуло вперед, к самой дальней двери...

– Ревенгар! Айлин, да постой же! погоди, мы с тобой! Мало ли, что там может быть?

Дверь была не заперта. Единственная из всех. Обогнавший ее Саймон с силой толкнул тяжелое дерево, заглянул внутрь и отшатнулся.

– О Претемная... Эй, сбегайте кто-нибудь за дежурным преподавателем! Айлин, отвернись!

Но Айлин хватило одного взгляда, чтобы увидеть подошвы сапог и немного стесанные каблуки. Они висели высоко в воздухе, едва виднеясь из-за дверной притолоки, и мерно раскачивались.

Глава 5. Выбор Грегора

Полторы дюжины стихийников и полдюжины боевиков вышли из портала примерно через полчаса. Мэтр Ладецки, заместитель покойного Кристофа и вероятный будущий магистр Красного факультета, огромный и хмурый, как медведь-шатун, кивнул Грегору издали, но не подошел, сразу начав командовать боевиками. Повинуясь его скупым командам и жестам, они разбежались по вершине холма и деловито приготовились поднимать щит, а стихийники во главе с Райнгартеном бросились производить замеры, чертить на земле и в воздухе начальные контуры, в общем, делать то, что обязательно сопровождает работу магов. Последним через портал прошел магистр Эддерли, и Грегор, еще не взглянув на бывшего наставника, по одной только дрожи сил вокруг почувствовал, что старый некромант в бешенстве.

Впрочем, Эддерли владел собой превосходно, как и положено магу его возраста и положения. Он окинул беглым взглядом залитую кровью звезду в горелом круге, нависшую над ней воронку разлома, тело принца, которое Грегор вынес из круга, завернув в собственный плащ, и изломанные трупы убийц. Потом обменялся парой слов с мэтром Ладецки, сдержанно кивнул Райнгартену, кажется, это должно было означать: «Занимайтесь разломом», – и подошел к Грегору.

– Не потрудитесь ли объяснить происходящее, мэтр Бастельеро? – потребовал он сухим тоном. – Но прежде давайте отойдем подальше. Не стоит мешать коллегам.

Грегор мысленно с ним согласился. Пусть некроэнергия не противодействует ни стихийной, ни боевой магии, но кто знает, что может произойти здесь, у проклятого лаза в Запределье?

– Итак, извольте доложить события сегодняшнего дня, – сказал Эддерли, глядя на Грегора с каким-то новым и определенно неприятным выражением лица.

Разумеется, разговор с Айлин Ревенгар магистра никоим образом не касался. Отойдя на два десятка шагов и глядя, как стихийники выстраиваются полукругом, а боевики отработанно растягивают общий щит на случай, если барготов разлом вдруг заработает, Грегор кратко рассказал, что случилось после лекции у Воронов. О поездке к Морхальту и поединке со старым негодяем, о том, как Адальред открывал порталы для своей драгоценной Уинн, о запертом в камере Саграссе и о Денвере, которого Грегор попытался найти среди мертвецов, но уж слишком они все были изувечены!

– Вы полагаете, что мэтр Денвер не погиб? – с тем же оскорбительным холодком уточнил Эддерли, и Грегор пожал плечами.

– Мерзавцев сожгла энергия Разлома, – сказал он как можно увереннее. – Но тело... его высочества Кристиана... не пострадало. Не пострадало сильнее, чем от жертвоприношения, – торопливо поправился он. – А это значит, что жрец выстроил мощнейший щит и, находясь рядом с жертвой, вполне мог выжить. Полной уверенности, конечно, нет – я не рискнул допрашивать мертвецов рядом с Разломом...

– Хвала Претемной хотя бы за это, – процедил Эддерли и, прежде чем Грегор успел возмутиться, яростно сверкнул глазами. – Молчать, мальчишка бестолковый! Вы и без того натворили непоправимых глупостей! Какой демон навел вас на мысль ехать к Морхальту, да еще в одиночку?! Не стану спрашивать, зачем вы его убили, в конце концов, он напал первым, но что, во имя Претемной, заставило вас его упокоить?! До духа Морхальта нам теперь не добраться, Денвер погиб или бежал, принц убит, а у нас есть только ваши слова, которые никто не может подтвердить! Кроме Саграсса, который тоже замазан во всей этой мерзости! Да-да, вы ведь не знаете, а Адальред после вашего переноса покончил с собой! Решил не дожидаться суда... Вы хоть представляете, что теперь будет с Орденом?! И вместо того, чтобы прийти ко мне и

все рассказать, вы оседлали Райнгартена и помчались совершать подвиги?! Не сомневаюсь, это прекрасно действовало на войне, но то, что происходит сейчас, не война!

«Не война?! В самом деле? А что же тогда?! – с трудом сдерживаясь, подумал Грегор. – Кому, хотелось бы знать, я должен был довериться настолько, чтобы взять с собой?! Вы и слушать меня не стали бы, обвини я в барготопоклонничестве главу Орденской безопасности! И бывшего магистра Зеленых, личного лекаря королевской семьи! А прочие... вам напомнить, кто оказался главой заговора? Даже Морхальт мог не знать, куда на самом деле протянулись щупальца этого спрута! И с каких пор, хотелось бы знать, вам стало недостаточно слова Бастельеро?!»

Однако он промолчал, понимая, что магистр, по сути, прав. Победителей редко судят, но если бы хоть что-то в его отчаянных действиях пошло не так, а подозрения не подтвердились... Что ж, тогда Грегор ответил бы по всей строгости орденских законов, даже не думая просить снисхождения.

– Вы могли погибнуть, и мы никогда не узнали бы, что произошло, – продолжил Эддерли по-прежнему раздраженно, но теперь в его голосе Грегор различил жуткую, чудовищную усталость и разом погасившее его ярость беспокойство. – Поймите же, мальчик мой, мы не можем позволить себе потерять еще и вас! И это после того, как чистым чудом отбили вчерашнее нападение! Кристоф... – Магистр тяжело вздохнул, и Грегор со стыдом вспомнил, что Эддерли и глава боевиков были очень близки. Не он один здесь потерял друга. – Впрочем, – продолжил магистр Эддерли, – если бы не юная Ревенгар, жертв могло бы оказаться и больше. Вы превосходно обучили своих Воронов, Грегор, и я прошу, занимайтесь и дальше тем, что у вас получается, а не...

– Прошу прощения, магистр, – непочтительно прервал Грегор бывшего наставника. – Причем здесь Ревенгар?

– Она убила демона, – кратко ответил Эддерли. – Очень впечатляющие навыки, действительно, очень. Хотя я считал и считаю, что девушке ее лет рано иметь подобный практический опыт.

– Демона? – растерянно переспросил Грегор, пытаясь осознать, что речь действительно идет об Айлин.

Айлин Ревенгар? Адептка неполных восемнадцати лет, сильная и перспективная, но совершенно неопытная в настоящем бою?! Его Айлин?! Проклятье...

– Да, – рассеянно подтвердил Эддерли, наблюдая за действиями стихийников. – Она случайно оказалась в зале Совета во время прорыва. Убила демона, который порвал Великого Магистра, а потом... ассистировала Кристофу, когда он... Ну, вы понимаете... – Магистр поморщился, и Грегор кивнул в молчаливом изумлении. – Бедная девочка. Она так тяжело пережила его смерть. Роверстану пришлось оказывать ей помощь, а потом отнести к целителям буквально на руках. Хотя мне сказали, что она уже вышла на занятия. Молодость легче переносит потрясения. Но вы все-таки побеседуйте с леди Айлин... как ее куратор.

«Вышла на занятия? – с трудом понял Грегор. – После... после ночи, проведенной со мной. Дюжину проклятий! Получается, ко мне в особняк она сбежала из лазарета?! После пережитого ужаса и в поисках утешения?! А я, скотина пьяная... Претемная, как теперь еще раз извиниться? Если девушка действительно ничего не хотела, но поддалась недолгой слабости после своего первого боя... После первого боя!»

– Я поговорю с ней, – пообещал он магистру, понимая, что разговор опять получится неприятным.

Айлин обижена и оскорблена, ей будет очень трудно понять, что следует забыть прошлое и начать их отношения заново. Что ей не найти более заботливого и верного мужа, а он... Он изо всех сил постарается загладить невольную вину перед ней! И когда весь этот кошмар закончится, они обязательно будут счастливы! Только бы уберечь ее сейчас!

Некстати вспомнилось бледное серьезное лицо Дарры Аранвена, собравшегося делать своей подруге детства предложение. Впрочем, почему некстати? Об этом непременно следует подумать. Но... теперь Айлин ему наверняка откажет. Она честная и чистая девушка, несмотря на свою... ошибку. Принять руку и сердце того, кому не принесет в дар свою невинность? Только не Айлин Ревенгар! Конечно, она откажет Аранвену, даже если сын канцлера успеет сделать ей предложение. Но чтобы избавить Айлин от этого неприятного момента, следует держать Аранвена от нее подальше. Как можно дальше! Возможно, даже поговорить с Ангу-сом... Но сегодня его ждет совсем другой, куда более печальный разговор!

– Прошу прощения, магистр, – выдавил Грегор, взглянув на бережно завернутое в плащ тело. – Я действительно был неосторожен и сожалею, что доставил вам столько хлопот. Поговорим об этом позже. Я... мне нужно подумать... И отдать последний долг его высочеству.

– Подумать? – вскинул брови Эддерли и осекся. Помолчав несколько мгновений, добавил куда мягче: – Грегор, мальчик мой, вам необязательно лично сообщать Ее Величеству...

– Обязательно! – отрезал Грегор и тут же спохватился: – Простите, милорд.

Эддерли сочувственно, но молча кивнул, и Грегор почувствовал благодарность за то, что магистр не стал настаивать. Это только его долг!

Последний раз взглянув на принца, он перевел взгляд на стихийников. Да что же они так долго?!

– Кажется, у коллеги Райнгартена что-то не ладится, – буркнул Эддерли, и Грегор молча с ним согласился.

Стихийники творили заклинание за заклинанием, воздух дрожал от оранжевой силы, но Разлом и не думал закрываться. Хуже того, он словно еще разросся, напитавшись силой, словно насосавшийся крови стригой. Или, скажем, клещ – не менее омерзительный кровосос.

Наконец Райнгартен что-то рявкнул, и полукруг оранжевых мантий распался, пропуская магистра. Боевики сняли щит, но с места не тронулись, а Райнгартен быстро подошел к Грегору и магистру Эддерли.

– Ничего не выйдет, – буркнул он, пряча за грубостью растерянность и даже, пожалуй, испуг. – Структура исходного заклятия совершенно уникальна, я бы с радостью казнил проклятого гения, который ее сотворил, но сначала заставил бы его объяснить, как распутать барготов клубок силовых линий! Вдобавок, в эту мерзость накачали столько некротической эманации, что сила мира действует рядом с ней непредсказуемо! Все наши заклятия только ухудшают положение! Мы не сможем его закрыть, просто не пробьемся!

– Это официальное заключение Оранжевой гильдии? – спросил Эддерли, разом постарев лет на десять, и Райнгартен сокрушенно кивнул, а потом добавил, разведя руками:

– Простите, коллега. Боюсь, что ключ от этой двери там же, где замок.

– Замка больше нет, – мрачно напомнил Эддерли, но Райнгартен сделал вид, что не услышал слова некроманта, и продолжил:

– ...Мы, конечно, будем искать другие пути. Вся гильдия! Возможно, поможет сочетание фиолетовой силы с оранжевой, но структура этого разлома мне совершенно не знакома, и я даже не представляю, сколько времени займет расчет формулы ключа! Месяц? Два? Больше?

– Сколько бы ни заняло, – вздохнул Эддерли, морщась так, словно каждое слово причиняло ему боль. – Мы можем сделать что-нибудь еще?

Стихийник как-то судорожно дернул головой.

– Можем и должны! – услышал Грегор собственный голос так, словно тот звучал со стороны. – Нужно подавить беспорядки в городе и защищать столицу от имеющихся разломов. Они ведь не закроются сами по себе, я правильно понимаю?

Райнгартен молча кивнул, а потом уточнил:

– Мы сможем закрыть их не раньше, чем решим проблему исходного. Все, что я могу понять, это что исходный разлом питает и провоцирует вторичные, отсюда их нестабильность. И отсюда же угроза новых, причем не только в Дорвенне. Я бы... – Он помялся, а потом все же закончил: – Поставил на то, что разломы будут появляться и впредь, особенно там, где ткань мироздания истончена.

Грегор не стал напоминать, что предупреждал об опасности еще пять лет назад. Понятно, что Денверу было не очень сложно воспользоваться его выкладками, поэтому и жертва принесена именно здесь, в месте наибольшего истончения ткани мироздания. Какой теперь толк от того, что Грегор оказался чудовищно прав? Это ничего не изменило, раз предатель тайлся в самом сердце Ордена.

– Тогда в каждый город необходимо отправить роту солдат, самое меньшее, – решительно сказал он. – И придать им хотя бы пару боевиков и сильного стихийника. Демоны не страшнее фраганцев, они не владеют магией, так что солдаты справятся и с тварями, и с поддержанием порядка. На деревни армии не хватит, но там и разрывы вряд ли появятся.

– Пожалуй, – задумчиво согласился Райнгартен, и Эддерли кивнул, а Грегор вдруг осознал: Дорвенант ждут огромные перемены.

Великий Магистр и Кристоф погибли, Адальред покончил с собой... Уинн – туда ей и дорога, но боевика жаль, да и артефактор... С ним, пожалуй, вышло нехорошо. Но Адальред не юный адепт, а магистр, к тому же более чем зрелого возраста. И он имел право сам рассудить, чего в его случае требует честь мага и дворянина. Плохо, что Орден остался без главы и трех магистров из семи одновременно! И это когда погибла вся прямая линия Дорвеннов!

– Уходим, милорды, – бросил он, поднимая тело принца на руки. – Не будем терять времени больше, чем уже потеряно.

* * *

До дворца Грегор сумел добраться только к полудню, встречу узкого круга, о которой предупреждал Аранвен, никто не отменял, но во дворец приехали уже все лорды Трех дюжин, и было ясно, что Малый Совет непременно перерастет в Большой. И отлично!

Неважно, что теперь речь будет идти не о коронации младшего принца, а об обороне города. Учитывая, что творилось на улицах, Эжена Райнгартена ожидал крайне неприятный разговор! Пусть он главнокомандующий, а не начальник стражи, но гвардия – в его прямом ведении, и Грегору очень хотелось знать, почему она отсиживается в казармах, когда стражники сбиваются с ног, пытаясь поддержать в столице хотя бы видимость порядка.

А ведь перед Советом ему придется встретиться с... королевой. Как бы ни хотелось оттянуть встречу, а то и вовсе переложить эту тягостную обязанность на кого-нибудь другого.

«Ничего, – попытался подбодрить самого себя Грегор. – После разговора с ее величеством споры с лордами – почему-то я даже не сомневаюсь, что они будут! – наверняка покажутся приятным развлечением. Какое счастье, что хотя бы тело ей привезу не я. И какое счастье, что сейчас над ним работают иллюзорники. Никто не должен видеть принца таким. Ни одна мать не должна видеть таким своего ребенка!»

Королева ожидала его в малой приемной. Или не ожидала? Она стояла у окна, выходящего в сад, – черный силуэт на светлом фоне, похожий на арлезийские гравюры, – и не обернулась ни на официальное: «Лорд Бастельеро к ее величеству!» – ни на стук закрывшейся двери, и Грегор, пожалуй, был благодарен ей за это.

Когда на войне гибли его офицеры, он всегда сам отправлял их родным письма с приличествующими случаю соболезнованиями, но куда проще написать письмо, чем смотреть в глаза матери, потерявшей обоих сыновей!

По этикету ему следовало преклонить колено, не приближаясь ни на шаг, попросить прощения за дурные вести и поведать о судьбе принца, но...

– Вы нашли моего сына, Грегор? – тихо и глухо спросила королева...

Нет, все же сейчас – просто Беатрис.

– Я нашел тело вашего сына, ваше величество, – ответил он так же негромко, понимая, что от него не ждут ни слов сочувствия, ни оправданий.

Да и не могло тут быть никаких оправданий!

Она наконец отвернулась от окна, в несколько быстрых шагов подошла и всмотрелась в его лицо. Грегор встретил ее взгляд, мимолетно поразившись: сейчас, бледная и осунувшаяся, без единого украшения и в самом простом черном платье, Беатрис казалась прекраснее, чем пять лет назад на празднике в его честь. Может быть, потому, что тогда ее лицо было изумительно совершенной маской? А теперь в огромных черных глазах стыло настоящее горе.

«Она образец королевы. И мать – тоже прекрасная».

«Она любящая нежная мать...»

Проклятье! Трижды, четырежды проклятье... какой бы она ни была женой! Да и имел ли право Малкольм, сам неверный брачным клятвам, требовать верности от женщины, которой даже не считал нужным выказывать должную супругу нежность?!..

Какой бы она ни была женой, она любила сыновей так, как только может мать любить своих детей, и ее немое горе тронуло бы даже камень!

– Как... – начала она, осеклась, и Грегор вдруг ясно различил в ее голосе давно, казалось, исчезнувший итлийский акцент. – Как он умер?

– Легко, – солгал Грегор, зная, что ничто не заставит его сказать правду. Аранвену придется рассказать обо всем. Но не ей! – Его высочество не мучился.

Беатрис снова всмотрелась в его лицо, побледнела еще сильнее, и в ее глазах сверкнули слезы.

– Благодарю вас, мой Грегор, – тихо сказала она. – Благодарю... за весть и за ложь. А теперь, прошу вас, оставьте меня.

Он низко поклонился, попятился к двери, хотя Беатрис снова отвернулась к окну, и, выйдя в коридор, медленно и тяжело выдохнул.

Этот короткий разговор дался ему тяжелее Фарнельской битвы! А ведь впереди еще одна битва, на этот раз – с лордами.

* * *

После двух Советов подряд Грегор вернулся в Академию в преотвратном настроении. Нет, первый Совет прошел именно так, как и ожидалось. Аранвен, который уже пришел в себя, сохранял ледяное спокойствие и был похож на хорошо отточенный клинок, Грегор в который раз порадовался, что Дорвенанту повезло с канцлером. Выслушав его доклад и дополнения Райнгартена-стихийника, Ангус сплел перед собой длинные тонкие пальцы, точно такие, как у его сына. Грегор зло и быстро отогнал мгновенное видение таких же бледных рук, только молодых, обнимающих Ревенгар... Айлин! Потом! Сейчас Аранвен королевству необходим, как никогда ранее, и ссориться с ним не следует. Но от Айлин Дарре придется отказаться. Он молод, может выбрать себе любую девушку...

– Итак, закрыть порталы прямо сейчас невозможно, – попытожил Аранвен. – Требуется ключ, которым может послужить лишь кровь прямого наследника Дорвеннов. Это... осложняет дело, милорды. Очень осложняет. Смерть его величества и их высочеств Криспина с Кристианом грозит стать даже большей трагедией, чем казалось.

– Простите, ваша светлость, – подал голос молодой лорд Кафельмаро, до этого тихо слушавший рассказ. – Но ведь у нас имеются наследные принцессы! Они, конечно, юны, но кровь...

– Ах да, – сказал канцлер и слегка поморщился.

Грегор, понимающий, что именно он услышит снова, а остальные – впервые, с трудом удержался от брезгливой дрожи. Конечно, иного выхода нет, ближний круг должен знать правду, но пачкать этой грязью память Малкольма!

Впрочем, Аранвен был ожидаемо сух и бесстрастен, изложив только факты. Но их более чем хватило.

– Принцессы не от крови Дорвеннов? – пораженно проговорил Эдвин Кафельмаро. – Это доказано?! Но... как же проверка крови?!

Канцлер снова поморщился, и Грегор его отлично понимал! Вот так перед всеми признаться в подлоге, пусть и на благо королевства?

Проверка крови была древним ритуалом, который проводился во всех семьях Трех Дюжин, если возникали сомнения в верности супруги и чистоте крови наследников. С помощью него доказывали и принадлежность бастардов. Одна капля крови, уроненная на особый камень, хранящий изначальный, безупречно чистый образец крови рода, либо доказывала их идентичность, либо безусловно ее отрицала. Другие дворянские семьи не обладали такой возможностью, она была как-то связана именно с кровью Трех дюжин по тому же принципу, что и наследственная внешность.

Обычно ритуал проводился по запросу главы рода, иногда несправедливо заподозренная леди требовала таким образом очистить свое имя. Но королевская семья – единственный род, где ритуал подтверждения проводился обязательно для любого рожденного ребенка. Слишком велика была цена ошибки...

– Его величество Малкольм лично велел королевским магам составить фальшивое свидетельство о чистоте крови принцесс, – проговорил Аранвен с мраморно-белым и таким же неподвижным лицом. – Однако я видел результаты настоящего обследования и могу подтвердить своим словом, что дочери ее величества Беатрис не несут в себе крови Дорвеннов. Это легко доказать в любой момент повторным обследованием.

– Шлюха! – пораженно вскинулся Кафельмаро. – Она опозорила короля и Дорвенант! Осквернила супружеское ложе! А кто их отец?! Его следует...

– Сядьте, – уронил канцлер, и слово упало тяжело, словно каменная глыба. – Мы собрались не для того, чтобы обсуждать поведение королевы. И должен напомнить, что все, сказанное здесь, никогда не покинет стен этой комнаты. Вы клялись, милорды. Лорд Кагельмаро?

Эдвин бросил вопросительный взгляд на бывшего начальника, и Грегор ответил ему коротким кивком.

– Слушаюсь, – мрачно отозвался боевик и по-военному резко поклонился, а потом снова сел.

Оба Райнгартена и Эддерли тоже склонили головы, подтверждая, что поняли и согласны.

Грегор привык считать его «молодым», потому что был еще и старый Кагельмаро, Великий Магистр, но теперь... Теперь Эдвин – глава рода и сила, с которой необходимо считаться. Пожалуй, хорошо, что он до сих пор уважает своего бывшего мэтра-командора.

– Принцессы непригодны для закрытия портала, – подтвердил Райнгартен. – Однако, милорд канцлер, стоит подумать, кто станет будущим королем. Династия прервана. Бастардов, насколько мне известно, не осталось. И если лорды узнают, что Беатрис – неверная жена, а в принцессах нет королевской крови, никто не позволит ей остаться на троне. Финансы финансами, но нельзя же бесконечно торговать честью Дорвенанта. Если нет законного претендента, следует решить, кто станет... основателем новой династии.

«Да уж не ты, – зло подумал Грегор. – Не успела кровь Малкольма и его сыновей остыть, а вы уже делите их корону? Райнгартены не первые в очереди на престол!»

Он впервые взглянул на Ангуса Аранвена, понимая, что наиболее вероятный претендент из Трех Дюжин как раз канцлер. Аранвены – ветвь королевской семьи, они происходят от младшего сына Дорве Великого и Лебединой Девы Аран. Возможно ли, чтобы в них веками дремала королевская кровь?

«Не в той концентрации, что нужна, – тут же признал Грегор. – Иначе портал открывался бы рядом с канцлером. Ну что ж, даже формальный след крови Дорвеннов – это лучше, чем ничего. У канцлера здоровый и магически одаренный сын, возможный наследник. И Аранвены только выглядят бледными тенями, на деле они кого угодно переживут. Их убивают, это случается, но в остальном у них отличное здоровье, как у любого из Трех Дюжин. А власти и привычки к ней Ангусу не занимать. Пожалуй... Малкольм, друг мой, прости, но последние годы королем в твоей стране был именно Аранвен».

– Об этом говорить рано, – тем же ледяным тоном ответил канцлер Райнгартену. – И чтобы сразу пресечь разные... предположения, прошу учесть, что ни я, ни другие члены моей семьи не можем даже помыслить о претензиях на трон. Аранвены – хранители короны, а не узурпаторы. Мы продолжим искать кровь Дорвеннов. Любой бастард, которого признает камень крови Дорвеннов, может взойти на трон. Желательно, конечно, чтобы он был... подходящим. Но будем надеяться на милость Благих.

– Любой бастард, в котором достаточно крови, уже стал мишенью демонов, – буркнул бывший заместитель Грегора, а ныне командор армии Райнгартен. – Они сожрали Родерика Кристофа! А он был магистром Алых как-никак. У остальных и вовсе не имелось шансов!

– Родерик Кристоф пожертвовал собой ради Академии, – стылым от злости голосом поправил Эддерли. – Он как раз мог бы выжить, если бы не закрыл собой нестабильный портал.

– Это, конечно, подвиг, – упрямо гнул свое Райнгартен. – Только лучше бы он остался в живых, было бы полезнее.

– Ну, знаете... – яростно начал Эддерли.

– Хватит! – сказали одновременно Грегор и Аранвен и не без удивления посмотрели друг на друга.

– Прошу прощения, – дрожащим от гнева голосом сказал Эддерли. – В любом случае, уже поздно вспоминать Родерика... Нужно искать другую кровь Дорвеннов.

– Для начала нужно спасать столицу, – сказал Грегор. – Иначе от нее останутся развалины, на которых не удержится ни трон, ни тот, кто на него сядет. Скажите, Эжен, – глянул он на бывшего подчиненного. – Какого Баргота гвардия и прочие армейские части сидят в казармах? Почему вы до сих пор не вывели их на улицы и не погнали эту шваль огнем и мечом? Они жгут город!

– Поддерживать порядок на улицах – это не дело гвардии, – чопорно заявил Райнгартен, избегая его взгляда. – При всем уважении, милорд Бастельеро, армия больше не в вашем ведении. Я предоставляю войска в распоряжение нового короля... или регента... То есть кого-то, облеченного властью мне приказывать.

– А до этих пор солдаты будут сидеть в казармах? – по-змеиному прошипел Грегор, сам удивляясь своему голосу. – Демоны – жрать горожан? А шваль с окраин – грабить и палить Дорвенну? Вы хорошо подумали о своих словах, Эжен? Уверены, что армии нужен именно такой командор?

– Вы мне угрожаете?! – вскинулся Райнгартен и тут же осел на стул под взглядом Грегора, явственно побледнев.

– Ну-ну, коллега, – торопливо обратился к Грегору его кузен-стихийник. – Не нужно так... резко. Я уверен, мой дорогой родич переживает за город не меньше вас. Вы просто друг друга не поняли!

– Разумеется, я готов обеспечить подавление мятежа, – оскорбленно заявил Райнгартен-командор, но впечатление от его обиженного тона изрядно портили бледные и подрагивающие губы. – Это мой долг! Просто я должен знать, кому отчитываться. Если его светлость Аранвен, исполняя обязанности канцлера...

– Я исполнял их в мирное время и не собираюсь отказываться, – тяжело уронил Аранвен, и сразу стало видно, что он уже немолод и очень устал. – Однако сейчас положение требует иных действий, более решительных. Вы согласны, милорды, что ее величество Беатрис не может возглавить оборону столицы? В силу... своего пола, хотя бы.

– Разумеется! – подтвердил Кастельмаро, снова вспыхнув. – Она женщина! Профанка! Еще и итлийка! И вообще...

– Безусловно, она к этому не способна, – кивнул Райнгартен-стихийник. – И вы предлагаете...

– Милорд Райнгартен, – указал канцлер взглядом на бледного командующего, – сам признал, что нуждается в приказах высшего руководства. Но я тоже человек, далекий от ведения боевых действий, будь противником нечисть или мятежники. Да и здоровье... Посему предлагаю избрать лорда-протектора, который примет всю власть на время беспорядков с целью их подавления. Вы же понимаете, милорды, – обвел он присутствующих взглядом холодным и тяжелым, как все торосы вольфгардского моря. – Это должен быть человек безупречной честности, который никогда не воспользуется полученной властью, чтобы захватить корону. Он должен пользоваться огромным уважением дворянства и армии. И, разумеется, обладать достаточным опытом, чтобы справиться с бедой. Лично я вижу среди нас только одного такого человека. Милорд Бастельеро! – Он остановил взгляд на Грегоре, и остальные, как по негласной команде, сделали то же самое. – Как лорд-канцлер королевства я прошу вас быть нашим щитом и мечом. Призвание лорда-протектора – защита Дорвенанта, никто не справится с этим лучше вас.

Грегор встал, чувствуя холод, бегущий по спине, и жар, медленно разгорающийся внутри. Лорд-протектор! Высшая должность, предназначенная для тяжелых времен, когда король по какой-то причине не может исполнять свои обязанности, а положение требует решительных средств. Проще говоря, человек, на которого можно свалить спасение государства от войны, голода, чумы, да чего угодно! Человек, который точно не оставит спасенную корону себе, а вер-

нет ее законному владельцу. Полное доверие! И страшная ответственность. В истории Дорвенанта было три лорда-протектора, два из Аранвенов, один из Сазерлендов. И вот теперь меч протектора впервые будет вручен Бастельеро. Ему, Грегору!

– Это высокая честь, милорд, – сказал он чужим хриплым голосом. – Но не стоит ли вынести предложение на голосование всего Совета?

– Обязательно, – кивнул Аранвен. – Как только придем к соглашению между собой. Остальному Совету полезно будет увидеть наше единство. Итак, милорды? Мой голос – лорду Бастельеро. Если у вас есть другие кандидатуры...

В уголках его губ появилось что-то, похожее на улыбку, и Грегор с восхищенной яростью понял, что старый негодяй рассчитал все безупречно! Их тут шестеро! Сам Грегор за себя, разумеется, голосовать не может, а из пяти оставшихся у него точно будет три голоса. Даже если Райнгартены заупрямятся. А потом им придется согласиться с остальными.

– Мой голос – милорду Грегору! – заявил Кастельмаро, тоже улыбаясь, но широко и искренне. – Никто не справится лучше! Он воплощение чести и отваги!

– Лорд Бастельеро... справится, – согласился Эддерли с едва уловимой заминкой, и Грегора больно ударило сомнение в голосе старого наставника.

Что ж, Эддерли наверняка до сих пор переживает его неосторожное преследование сектантов. Но он ведь должен понимать, что других кандидатур и вправду нет. Не Райнгартену же доверить столицу! Причем любому из них.

– Полагаю, мы с кузеном будем едины во мнении, – изящно склонил голову стихийник, и командующий хмуро кивнул. – Лорд Бастельеро, примите наше полное доверие и подчинение в интересах государства.

Грегор на миг прикрыл глаза, а потом глубоко поклонился. Выпрямился и сказал с обреченной торжественностью:

– Если большой Совет Трех дюжин подтвердит мои полномочия, я клянусь, что употреблю их только во благо Дорвенанта.

... Еще бы они не подтвердили! Ему почти хотелось, чтобы кто-то воспротивился! Но все, на кого падал его взгляд, спешили заверить в своей согласии и полной, безоговорочной преданности! А Грегор все мрачнее думал, что же такое творится, если Три дюжины похожи на испуганных овец, которые услышали волчий вой и жмутся к зубастой овчарке, видя в ней единственное спасение!

– Следует немедленно отправить войска в провинцию! – заявил Сазерленд, едва из королевского тронного зала принесли знаменитый меч протекторов – ту еще неудобную тяжелую железяку! – и с почти неприличной поспешностью препоясали ею Грегора. – Наши подданные там испытывают ужасные лишения от демонов!

«У него богатейшие поместья по дороге к Озерному краю, – привычно вспомнил карту Грегор. – Обойдется!»

– Милорд Бастельеро, – с деловитой бесстрастностью сказал Райнгартен-стихийник. – Оранжевая гильдия приложит все силы, чтобы помочь вам, но я должен предупредить. Если разломы продолжатся, неминуемо возникнут погодные аномалии. Они всегда сопровождают существенные разрывы ткани мира. Он покосился на профанов, так и сидящих в зале Совета тесной группой, и пояснил для них: – Зима среди лета. Со снегопадами. Да, милорды, прямо сейчас. Ливневые дожди. Град. Или засуха. Все, что угодно! Без предупреждения. И мы сможем исправить очень немного из этого. Сами понимаете, бесполезно отправлять стихийников

на север и юг страны, когда порталы не работают, а град все равно уже прошел. Мы просто не успеем добраться в нужное место верхом, даже если узнаем, что там необходима помощь.

– Но это значит... что урожай может погибнуть, – первым сообразил Логрейн. – А с чего брать налоги?

– Лучше подумайте, чем кормить людей, – с ледяной вежливостью улыбнулся ему Райнгартен. – Хотя бы для того, чтобы они не вымерли и могли платить налоги в следующем году. Если не закрыть первичный разлом достаточно быстро, – обратился он уже к Грегору, – весь юг страны может быть потерян. Аномалии будут сильнее там, неподалеку от источника. А юг – это плодородные долины, главная житница королевства.

– Я понял, – кивнул Грегор, снова чувствуя бессильную злость. – Постарайтесь делать то, что можете. Лорд Аранвен, если... когда слова лорда Райнгартена подтвердятся, – поправился он. – Сможем ли мы купить хлеб у Итлии?

– Постараемся, – уронил канцлер. – Но вы же понимаете, что многое будет зависеть от расположения ее величества.

Злость перешла в холодную слепящую ярость, но Грегор не позволил ей вырваться наружу, чувствуя на себе понимающий взгляд Аранвена. Снова деньги! Проклятые деньги, цена чести... и жизни многих людей. Но если у богов есть капля справедливости для Дорвенанта, Беатрис не сядет на его трон полновластной королевой!

Грегор уехал из дворца уже поздним вечером, добившись довольно многого. Эжен Райнгартен получил план действий, а четкие приказы этот зануда исполняет быстро и дотошно. Значит, беспорядки в столице постепенно закончатся. Потом по возможности армия будет отправлена в другие города. Главное сейчас – отстоять Дорвенну, а там и обычные люди разберутся, что демонов можно и нужно бить. Это Грегор помнил еще по фраганской кампании: те же селяне в первые годы боялись захватчиков больше чумы и голода, но после Фарнеля, убедившись, что неуязвимых врагов нет, при случае лихо поднимали месьюров на вилы.

Вот только разломы будут продолжать рвать ткань мира, и новые станут открываться уже без всякой системы, просто потому, что рвется там, где тонко. Если селяне потеряют урожай, Дорвенант ожидает голод.

А сколько времени займет у Оранжевой гильдии расчет формулы ключа – один Баргот знает! «Месяц или два – сказал Райнгартен. – Но может быть и три, и четыре...» Останется ли, кого спасать, когда формула будет выведена?!

«Видит Претемнейшая, – отчаянно подумал Грегор, склоняясь над столом в своих покоях в Академии, куда велел принести все нужные справочники из библиотеки. – Я сам шагнул бы в этот портал, как Кристоф, будь во мне хоть капля крови Дорвеннов! И даже без нее... Но мы не можем! Сейчас мы просто не можем потерять ни единого сильного мага. Райнгартен не удержит без меня столицу, а если и удержит, есть же Фрагана. Месьюры до сих пор не забыли поражения и, стоит разлому закрыться, непременно попытаются взять реванш. За эти годы они отдохнули, накопили сил... И чем им ответит Райнгартен? Кто защитит обескровленный, измученный голодом и нашествием демонов Дорвенант?! Нет, этот путь для нас закрыт, разве что все-таки найдется бастард...»

Мысль была отчаянной, но она пришла, и Грегор сам изумился, почему так долго не думал о том, что лежит на поверхности. Да что там, просто кричит о себе! Бастард...

Кристоф погиб, но ведь есть еще один. Если только он все еще жив.

Аластор Вальдерон. Старший сын Малкольма.

«Сын Джанет Вальдерон!» – яростно подумал Грегор, но легче от этого напоминания не стало.

Старший и последний сын Малкольма. Последняя кровь Дорвеннов.

«Я должен рассказать Совету о нем, – подумал Грегор, растирая пальцами ноющие от напряжения виски. – Но Аранвен и так знает! Почему он молчит?! У канцлера на мальчишку свои планы? Он ведь не может не понимать, что если в бастарде достаточно сильна кровь Дорвеннов, демоны явятся и за ним. Или... он уже послал за фальшивым Вальдероном? Но почему, почему, Баргот его побери, Аранвен промолчал на совете, когда речь шла о бастардах? Он собрал там самых проверенных! И промолчал... Неужели не доверяет вообще никому?»

Грегор вспомнил мальчишеское лицо с упрямо выдвинутой челюстью, светлые растрепанные волосы, хмельные, полные злости голубые глаза... Как он мог быть настолько слеп?! Аластор – копия Малкольма в юности, поставь его рядом с Криспином и Кристианом – разве что слепой не увидит, что это братья. Неудивительно, что Вальдероны носа не казали в столицу и даже скрыли возраст мальчишки, получается. Или просто представили его ко двору немного не вовремя. Их право, ничего особенного.

Аластор Вальдерон. Кусачий щенок, что уже вполне мог вырасти в волкодава, как обещал. Малкольм в его возрасте... Грегор облокотился на руки, спрятал лицо в ладонях. Злость и стыд мешались в нем, выжигая изнутри. На столе лежала карта Озерного края с меткой места, где проходил ритуал. И план заклęcia ключа, восстановленный по справочнику из тайной части орденовской библиотеки. Такие знания передаются только частным порядком, от наставника к ученику, причем далеко не всякому! Но к кому он мог бы прийти за этим? Только к Эддерли. Однако... не сейчас. Магистр еще после прошлого раза ему не доверяет. Если он узнает про Аластора Вальдерона, то потребует немедленно послать за мальчишкой. Мысль верная, однако нужно... хорошо все обдумать.

Заклęcie ключа, начерченное на листочке в виде схемы энергетических потоков, эффективное, но такое простое, что выполнить его мог бы любой сильный маг, притягивало взгляд Грегора, как один из проклятых гримуаров, о которых рассказывают страшные сказки юным некромантам. Тех, что вытягивают из мага душу и заставляют его творить страшные вещи, подчиняя волю.

Чушь! Все, что маг делает, он делает по собственному желанию и разумению! Не существует артефактов, способных полностью подчинить себе того, кто этого не желает. Соблазнить они могут. Нашептать, пообещать, уговорить... Но подчинить – нет!

«Я сделаю то, что должен», – пообещал себе Грегор, глядя на листок, исчерченный алыми линиями.

Чернила под рукой оказались только красные, и схема потоков имела зловещий вид. Очень правильно, если учесть, что это инструкция для принесения в жертву. Вопрос в том – кого?

«Аластор Вальдерон должен взойти на трон, – подумал Грегор спокойно и ясно, словно решая очередную задачу по распутыванию сложного проклятия. – Он последний Дорвенн. В нем половина крови Малкольма, ритуальный камень признает его обязательно. Древней магии плевать на брачные традиции, она не знает, что такое «бастард». Аластор станет королем... Нет, я не буду думать, что он меня раздражает... Неважно! Никто не требует от дворянина любить своего короля, достаточно верности и послушания. Мне придется принести ему присягу. Но кто тогда спасет Дорвенант?! Райнгартен сказал, что исходный разлом создан некро-энергиями. Логично, учитывая, что он на крови. Стихийники пробиться не смогли. Возможно, это способен сделать достаточно сильный некромант? Почти наверняка! Но некромантов с

кровью Дорвенна не существует, значит, при ритуале маг неминуемо погибнет. А кровь нужна все равно... Две жертвы или одна? Если только представить...»

Грегор принялся лихорадочно дополнять начальную схему, вспоминая все, что знал об этом разделе магии. Восьмиконечная звезда! Ему ярко представился древний символ Баргота, начерченный сначала на покрытой ином землей кладбище, потом на грязном полу дома адепта Морстена... Когда-то это звезда была символом полноты Вселенной, равноправных потоков, направленных во все стороны и соединяющих мироздание в единую структуру.

Но Баргот пал, одержимый преступной гордостью и жаждой невозможного! И восемь лучей звезды, признающей равенство преступного бога с благими божествами, стали символом зла, мятеха, лжи... Да какая разница! Восемь лучей – идеальная структура, позволяющая распределить потоки с безупречной уравновешенной точностью!

Схема ложилась на бумагу такая четкая, что Грегора это почти испугало. Он снова и снова проверял полученную формулу, но все сходилось безупречно. Райнгартен прав, нужна некроэнергия. Выброс жизненной силы в момент насильственной смерти. И кровь тоже нужна! С одним лишь ритуальным приношением в жертву мага, как это сделал Кристоф, нет полной гарантии. Но он показал путь!

Грегор в ледяном ужасе смотрел на листок с конечной формулой, перерисованной с черновика. Это была все та же исходная схема с некоторыми дополнениями. Простая, как все гениальное. И диктующая такой же простой выбор. Кровь Дорвеннов в качестве ключа. И сильный некромант, который использует ее, сворачивая портал обратно. Смерть в качестве активатора отзеркалит портал к исходному состоянию. Один из участников ритуала погибнет, либо ключ, либо исполнитель. У Денвера такой выбор не стоял, он просто убил принца Кристиана, не собираясь погибать сам. Но здесь выбор определенно был! Использовать кровь последнего Дорвенна и погибнуть самому, замкнув цепь, либо использовать и кровь, и жизнь Аластора Вальдерона.

«Аластора Дорвенна, – с той же ледяной четкостью поправил себя Грегор. – Убить себя, чтобы мог жить этот... щенок. Чтобы он взойшел на трон, чтобы правил... неизвестно как! Что там вообще приличного могли воспитать провинциальные дворянчики Вальдероны?! Будущего короля?! Даже не смешно!»

Он попытался представить на месте жреца кого-нибудь другого, не себя. Эддерли? Слишком стар. Да и отправлять своего наставника на смерть? Потому что боишься шагнуть в портал сам? Кто еще может? У Денвера хватило бы сил! Но старая сволочь либо погибла в первом ритуале, либо скрылась. Кто-то из молодых Воронов? Нет! Ни в коем случае! Уж своих учеников он точно туда не пошлет! Хуже предательства не придумаешь!

«Но ты посылаешь своих солдат и офицеров на верную смерть, – вкрадчиво напомнил голос памяти. – Чем это отличается? Ты же не думал, что рота, первой поднявшаяся в атаку при Фарнеле, выживет под ураганным огнем пушек месьюров? Ты точно знал, что нет. Но их смерть была оправдана. Командор армии имеет право посылать эту армию на смерть. Как и лорд-протектор имеет право решать, что нужно для блага королевства. Ты делаешь это не для себя! Королем ты уж точно не будешь...»

«И упаси Претемнейшая, – беспомощно подумал Грегор. – Корона? Ни за что! Я присягну любому, кого изберет Совет Трех Дюжин. Хоть Райнгартену! Да хоть... Сазерленду! Хотя глупости какие, конечно же, это будет Аранвен! Отличный выбор! Древняя кровь, благородство в каждой черте... Но бастард? Почему я должен спасти его ценой собственной жизни? Чем он ценнее меня или любого другого некроманта, если на то пошло?! Мальчишка-профан, наверняка непригодный, чтобы править. Да он может погубить страну куда вернее, чем пьянство и слабость Малкольма! А я... мне нужно жить. Чтобы защитить Дорвенант, чтобы стать опорой трона. Чтобы... да разве я мало отдал благу королевства?!»

Он скорчился над столом, с трудом дыша, алые линии расплывались перед глазами и выглядели так, словно уже были прочерчены кровью.

«Десять лет, – подумал Грегор, сам не зная, кого так яростно ненавидит сейчас. – Десять лет я жил войной, отдавал себя ей без остатка! А сейчас я хочу снова служить своей стране. Хочу исполнить долг протектора, в котором поклялся. Я могу спасти тысячи жизней, а должен принести себя в жертву ради одной-единственной?! Я... не хочу умирать. Ради Малкольма – шагнул бы в проклятый портал без раздумий, по долгу вассала и друга. Ради его сыновей – тоже. Мне ли, Избранному Претемнейшей, бояться встречи с ней? Но я обязан жить ради тысяч дорвенантцев, которых могу спасти. Ради своих учеников. Ради Айлин... – Память об упрямой рыжеволосой девчонке обожгла стыдом, сладким и мучительным одновременно. – Я должен жениться на ней. Она моя любовь, мое спасение, а я – ее защита... И я ничем, – видят боги! – не обязан бастарду, случайному порождению юношеской глупости Малкольма! Да его вообще могло бы не быть! А раз он есть, значит, родился именно для этого. Спасти Дорвенант...»

Грегор сглотнул тяжелый горький ком, вставший в горле. Снова подумал, что выбора, в сущности, и нет. Пока Аластор Вальдерон не взойдет на трон, он такой же обычный дворянин, как его отец. И должен пожертвовать собой ради Дорвенанта, если у него есть хоть капля чести. Как Кристоф! И как сделал бы это Грегор, если бы Аластора Вальдерона не существовало в природе. Но глупо посылать на смерть генерала, если выполнить задание может юный лейтенантик без всяких талантов.

«Я переиграю Аранвена, – с безумной усталостью и отвращением подумал Грегор, видя, что за окном уже занимается холодная весенняя заря. Оказывается, он сам не заметил, как просидел за столом всю ночь. – Его сын верен мне, как и все Вороны Бастельеро. Десяток лучших молодых некромантов Академии – грозная сила, которой не страшны демоны, даже если в поместье Вальдеронов разлом. Только бы мальчишка выжил! Дарра привезет его мне, а заодно будет слишком занят несколько дней, и я успею поговорить с Айлин. Да, не очень честно. Но чего он ждал столько лет?! Пока я пойму, что мне не нужна ни одна девушка, кроме нее? У Дарры Аранвена была тысяча возможностей завоевать ее сердце, значит, я имею право не упустить своей одной. И значит, мне нельзя умирать. Прости, Малкольм...»

По сердцу последний раз острой болью резанула вина. Но когда Грегор встал из-за стола, оставив карту и расчеты дожидаться своего возвращения, на душе у него было мрачное спокойствие. Он сделал свой выбор и готов был ответить за него хоть перед людьми, хоть перед тенью старого друга, хоть перед самой Претемнейшей.

Глава 6. Встреча с судьбой

Выполненный заказ положено обмывать, удача любит щедрых и умеющих ценить ее дары. Мастер Ларци, правда, на это обычно усмехался в коротенькую бородку и говорил, что удача любит умных и аккуратных. А чтобы выпить и поесть в хорошей компании, особые поводы не нужны, достаточно желания и немного денег в кармане. Впрочем, даже если карман именно сегодня пуст, какой хозяин трагтории не нальет достойному синьору, нечаянно позабывшему кошелек дома? Особенно, если синьор давно знаком и может при случае оставить в трагтории золотой скудо за бутылку лучшего арлезийского и достойную закуску.

Но именно сегодня Лучано сорить деньгами не собирался, как и пить в долг, разумеется. Напротив, кое-какой долг он этим вечером намеревался вернуть.

В трагтории «Пьяная форель» было весело. В углу, сдвинув сразу три стола, гуляла компания наемных солдат, то ли вернувшихся из какого-то соседнего города, то ли собирающихся на дело. По Лучано, одетому как приличный мастеровой, они мазнули взглядом, но этим все и ограничилось, ни на стражника, ни на гулящего мальчишку он не был похож, а глаз и ушей господина дожа наемники напоказ не боялись. Напротив, когда Лучано шел мимо, они как раз отпускали соленые шуточки про новую любовницу и городскую казну, которых дож пользовал одинаково старательно, и сами же над этими шуточками ржали так, что стены тряслись.

В остальной части трагтории сидело несколько мастеровых, завернувших поужинать после работы и пропустить по стаканчику граппо, два купца нудно торговались за партию шелка над кувшином белого вина, а в уголке у самого прилавка небогато одетый парнишка что-то рассказывал совсем юной и очень миленькой синьорине, влюбленно глядящей ему в глаза. На столе перед ними стояло блюдо с единственной жареной рыбкой, от которого парочка по очереди деликатно отламывала кусочки, явно стараясь, чтобы закуска продержалась подольше.

Лу стрельнул взглядом в купцов, которых до этого здесь не видел, потом в парочку, не замечающую ничего на свете, кроме друг друга. Облокотился на стойку, за которой почтенный Беппо протирает стаканы. Лениво уронил, надеясь, что не ошибся в расчетах, и Фелипе выбрал привычную трагторию, куда всегда ходил после дела:

– Доброго вечера, дядюшка. Меня никто не спрашивал?

– Кому ты нужен, мальчишка? – так же благодушно отозвался Беппо. – Можешь не сомневаться, если заглянет его светлость дож и спросит Лучано Счастливого, мы ему дадим твой адрес.

– Вот еще, – фыркнул Лучано, поддерживая шутку. – Нужен мне этот противный старикашка! Но если заглянет его новая девица и захочет поменять их светлость на горячего парня в три раза младше, вы уж сделайте милость, пошлите за мной. Так и быть, уделю ей время!

– Язык без костей, – ухмыльнулся Беппо. – Кстати, там, в задней комнате, дружки твои сидят. Один точно дружок, а второго я раньше здесь не видел. Гуляют. Заказали говяжьи ножки, томленные в вине с вендийскими специями, вертел жареных колбасок и кувшин сангретты для начала. А второй велел подать бутылку амариллы. Да важный, что ты-ы-ы! Случайно, не любимый сынок дожа к нам пожаловал? Нос уж так дерет...

– Гусь, вон, тоже клюв к небу тянул, – усмехнулся Лучано. – Да попал к вам, дядюшка, на вертел. Амариллю, говорите, пьет? Нет, я лучше тоже сангретту. Подайте к ним на стол еще кувшинчик и закуски какой-нибудь.

– Мне вчера свежих морских гадов привезли, – лукаво улыбнулся дядюшка, знающий вкусы всех постоянных посетителей. – Я их на ночь в холодном оливковом масле с уксусом замочил, а сегодня обжарил, и вон, в печи доходят. А соус... м-м-м-м! Сливки, маринованный лучок, арлезийский розовый перец и сырная корочка сверху!

– Мерзавец вы, дядюшка! – томно вздохнул Лучано, прикладывая ладонь к груди. – У меня аж сердце замерло! Такое рассказывать бедному голодному мне! Несите своих гадов, да блюдо побольше! И лимончиков! И сыра!

– Ты меня еще поучи, мальчишка! – расплылся Беппо в улыбке еще шире. – Уж накрою стол, будешь доволен. А теперь брысь, кошка наглый.

– Мя-я-яу! – весело отозвался Лучано и пошел мимо стойки в заднюю комнату, но вдруг передумал и вернулся.

Покопавшись в кошельке, хлопнул перед Беппо на стойку монету в пять серебряных скудо и указал взглядом на парочку, оставшуюся позади. Улыбнулся и попросил:

– Подайте детишкам чего-нибудь более... подходящего к случаю. Сладкого вина, пирога, ну и колбасок, что ли... Скажите, неизвестный синьор угощает их за свою удачу!

– Да уж соображу, чем накормить, – одобрительно кивнул дядюшка, ловко сгребая тяжелый серебряный кругляш, за который та же компания наемников, к примеру, могла бы гулять весь вечер.

Впрочем, оба понимали, что Лучано платит не только за все, что ему вздумается съесть или выпить, но и за отношение хозяина. Семья Беппо держала «Пьяную форель» уже несколько поколений, и трактирщик отлично знал, кому, что и когда можно и даже нужно сказать, а когда следует прикинуться глухим, как один из его начищенных до блеска котлов. Потому и обслуживал некоторых клиентов сам, а не посылал дочерей, обычно снующих по залу с подносами.

Насвистывая недавно услышанный в театральном балагане мотивчик, Лучано прошел в заднюю комнату и с порога широко улыбнулся, провозгласив:

– А не скучно ли вам только вдвоем, почтенные синьоры? Позвольте присоединиться?

– Фортунато! – искренне обрадовался Фелипе, поднимаясь ему навстречу. – Вот это славно! Садись, ты как раз вовремя! Что будешь пить?

– Сангретту сейчас принесут, – отозвался Лучано, опускаясь на свободный стул напротив Фелипе так, что Витторио остался по левую руку.

Сесть спиной к двери ни один Шип себе не позволил бы даже смертельно пьяным, и то, что за небольшим столиком больше не было мест, пришлось очень кстати.

Он окинул накрытый стол быстрым взглядом. Рубленая говяжья голяшка, несколько часов томившаяся в печи под винным соусом, все еще исходила густым пряным запахом, ее принесли совсем недавно. На вертеле тоже было вдоволь колбасок, а из кувшина сангретты убавился всего стакан, да и тот Фелипе отпил на треть. Зато бутылка апельсиновой амариллы, выпивки дорогой и вкусной, но коварно крепкой, опустела наполовину, а на щеках Витторио уже цвел румянец.

Наверное, и Лучано он потому кивнул приветливо, но очень уж снисходительно. Это младшему мастеру-то! Видимо, решил, что с тем, кто получил эту должность в кровати, можно не церемониться.

«Идиотто, – вздохнул про себя Лучано, принимая от Фелипе чистый стакан, куда старый приятель щедро плеснул из кувшина. – Ну как есть идиотто. Кстати, следует поговорить с мастером Ларци. Нехороший признак, если рядовые Шипы в такое легко верят. Возможно, в западной части Верокки, откуда прислали Витторио, так и бывает? Ну, или им просто надоела его глупость, вот и избавились...»

– За вашу удачу, синьоры! – поднял он стакан, и Фелипе с Витторио потянулись своими.

Тонкое стекло мелодично звякнуло, и Лучано пригубил сангретту, не глотая, а сначала определяя состав по привычке, намертво вбитой мастером Ларци.

Белое вино, не арлезийское, местное, но весьма неплохое. Апельсиновый сок, вон и в кувшине дольки. Мята. Мед... липовый. Имбирь. Мускатный орех – совсем немного, и это правильно, а то забил бы остальное. Ну, Беппо свое дело знает.

Делая вид, что смакует, он покатал сангретту на языке и, убедившись, что больше там ничего нет, проглотил. Отпил еще немного, наслаждаясь пряным свежим вкусом.

– А вот и твои гады, мальчишка! – возвестил Беппо, появляясь на пороге с большим блюдом.

Поставив его на стол, он снял крышку, и аромат запеченной в сливочно-сырном соусе смеси поплыл по комнате. Беппо бережно приподнял с одного края золотистую корочку, показывая товар лицом, и взору голодного Лучано предстала смесь крошечных осьминожек и кальмарчиков, маленьких, не больше мизинца, рыбок, тугих комочков мидий и чего-то еще, не опознаваемого, но выглядящего так, что рот мгновенно наполнился слюной.

– А нам почему не предложили? – возмутился Витторио. – Даже не сказали, что есть! Я же спрашивал самое вкусное!

– Прошу прощения, синьор, – сухо отозвался Беппо. – Вы спрашивали самое дорогое. Но это было заказано заранее.

И кивнул на Лучано, который ответил невинной примирительной улыбкой, но про себя язвительно усмехнулся. Морские гады, которых везут с побережья свежими в особых бочках, заклётых артефакторами, как ни крути, будут подороже говядины, пусть и томленной с дорогими специями. Но Витторио очень уж не приглянулся старому Беппо, а у того взгляд на людей наметан.

– Ладно, – хмуро согласился Витторио. – Принесите тогда еще амарильи для моего... нового друга!

– Я только сангретту! – торопливо сказал Лучано, которому вовсе не хотелось, чтобы на столе появилась лишняя бутылка.

Очередь до нее то ли дойдет, то ли нет, а так Витторио свою точно допьет.

– Выпивка для девочек, – заухмылялся Витторио, разваливаясь на стуле. – И что вы ее так любите? Настоящие мужики пьют лишь то, что горит, если поджечь. Эй, трактирщик, у тебя амарилья горит, надеюсь?

– У меня давно все горит и полыхает, великолепный синьор, – язвительно откликнулся Беппо уже из-за двери. – А если сомневаетесь в амарилье, могу ее в печь сунуть. Только ради вас!

– Наглец, – проворчал Витторио, принимаясь кромсать свой край запеченных морских гадов, а Фелипе бросил на Лучано виноватый взгляд. – Местная прислуга забыла свое место, а вы им это позволяете.

– Ну что поделать, – невозмутимо и очень вежливо сказал Лучано. – Распустились, вы правы. Мы давно ждали кого-нибудь, кто наведет порядок.

Фелипе чуть не подавился своей легкой, да еще и разбавленной сангреттой, а идиотто снова ничего не понял. Переложил себе на тарелку увесистый кусок лакомства и щедро запил амарильей. Лучано прикинул, что при такой скорости Витто допьет бутылку меньше, чем за час. Можно заказать и вторую, не жалко, но тогда в дурне будет плескаться уже слишком много крепкой выпивки, и зелье может подействовать не сразу. А некоторые уроки должны быть наглядными.

– За ваш успех, синьоры! – снова поднял он стакан. – Даже не спрашиваю, как все прошло. Не сомневаюсь, что безупречно.

И поймал почти неуловимую, тенью мелькнувшую по некрасивому, но выразительному лицу Фелипе гримасу, а потом едва заметное напряжение в его ответной улыбке. Кажется, старый приятель был совсем не уверен насчет безупречности выполненного заказа. Плохо. Еще хуже, чем думал Лучано. Он даже заколебался, не поменять ли планы. Витторио можно просто оставить с ножом в спине по дороге домой в одном из темных переулков. Может, оказать Фелипе эту услугу?

– И правильно не сомневаешься, – самодовольно заявил Витторио, переходя с ним, младшим мастером, на ты. Не то что без разрешения, даже без намека на таковое! – Мы с Пиппо всем здесь покажем, как работать! Да, малыш?

Он хлопнул снова напрягшегося Фелипе по плечу и еще сильнее развалился на стуле, лениво ковыряя месиво на тарелке, в которое превратились морские гады и тушенная говядина.

Лучано снова отпил сангретты, съел кусочек сыра... Спрашивать о подробностях исполненного заказа, который не имеет к тебе отношения, прямо противоречит уставу гильдии. Он, конечно, мог бы. Именно как младший мастер. Но Фелипе и так ему потом все расскажет. Наедине.

– Конечно, покажете, – уронил он мягко.

Успокаивающе.

И добавил, отрезая себе кусок морских гадов, которых не могло испортить даже присутствие этого идиотто:

– Думаю, большая удача, что вы к нам присоединились, синьор Витторио. Мы давно ждали кого-то... подобного вам.

Фелипе поймал его любезную улыбку, возвел глаза к потолку и молча вздохнул, но ничего не сказал. Похоже, напарник ему мешал сильнее, чем камушек в обуви, иначе он бы постарался намекнуть, что Лучано становится особенно учтивым, когда злится.

– На западной стороне меня не ценили по достоинству, – с пьяной уже откровенностью заявил Витторио. – Ну, ничего, теперь все изменится. Еще один-два заказа, и я попрошу об экзамене на звание младшего мастера. Думаю, это не очень сложно, а?

Он ухмыльнулся, оглядывая Лучано, аккуратно разрезающего еду на тарелке.

– Не могу ничего сказать, – безмятежно отозвался Лучано, наконец определившись с решением. – Устав гильдии не позволяет раскрывать подробности.

– Да ладно? Даже другу?

Витторио наклонился к нему, старательно улыбаясь, в его дыхании слышался запах амариллы, и Лучано снова усмехнулся про себя, представив, как искажилось бы лицо этого ничтожества, узнай он правила экзамена. Вот уж кто его точно не пережил бы. Но как можно дожить в гильдии до взрослого возраста и остаться таким идиотто? Может, все-таки играет? Если это притворство, Витто гораздо опаснее, чем представляется. Маска глупца, хвастуна и пьяницы – вполне удачное прикрытие для многих умелых мастеров своего дела...

– Боюсь, мы еще недостаточно друзья, – сказал он, не прекращая держать улыбку. – Условия экзамена узнают в его день, иначе никак.

– А правда, что его переживают не все? – допытывался Шип, глядя на него хмельными, но полными откровенного азарта и жадности глазами. – Я слышал, что не больше половины.

– Меньше, – бросил Лучано. – Примерно один из трех.

Фелипе уронил нож на тарелку, а когда Лучано глянул в его сторону, послал ему очень выразительный взгляд и быстро коснулся пальцем губ, словно стирая каплю соуса. Лучано опустил ресницы, показывая, что понял, и снова повернулся к Витторио. Да, все-таки глупец. Решил разузнать все, что может, а потом наверняка попытается вытянуть и остальное. Лестью, угрозами, подкупом... Даже забавно было бы посмотреть, до чего этот болван опустится. Впрочем, не забавно. Не дай Претемная, еще Фелипе втянет.

– А не попробовать ли мне тоже амарильи? – сказал он задумчиво. – Хочется чего-то покрепче.

Просиявший Витторио попытался плеснуть ему в стакан, но Лучано, очаровательно улыбнувшись, перехватил у него бутылку, пояснил:

– Вам далеко тянуться. Позвольте, я сам. И Фелипе выпьет вместе с нами...

Он налил себе примерно на два пальца жидкого золотого янтаря. Столько же плеснул в покорно подставленный стакан Фелипе. И быстро провел пальцем по открытому горлышку бутылки, стряхивая туда белую крупинку. Качнул бутылку, любуясь на просвет, как играет в стекле амарилья, похожая на расплавленное золото. И вернул бутылку, где оставалось совсем немного, Витторио.

– Ну, за дружбу? – улыбнулся так заманчиво и очаровательно, как только мог. – Синьор... Витто?

Мрачный Фелипе в пару глотков выпил свою порцию, даже не изображая радость. Витторио, напротив, просиял еще сильнее, высосал амарилью прямо из бутылки и согласился:

– За дружбу... Фортунато! Поверь, ты не пожалеешь! Вместе мы поднимемся... поднимемся...

– К самым вершинам, – любезно подсказал Лучано. – А упасть не боишься, Витто? Сверху падать больнее.

– Ха! – Витторио с удовольствием облизал блестящие от амарильи губы. – Другие поднимаются, чем я хуже? Ну, Фортунато! Не будь таким же надменным засранцем, как остальные мастера! Ты ведь можешь просто... намекнуть. Один ма-а-аленький намек, чего ждать на этом проклятом экзамене! Фелипе никому ничего не скажет, верно, Пиппо? – обернулся он к напарнику. – Ему ведь тоже хочется в младшие мастера. Когда-нибудь потом...

– Не хочется, – буркнул Фелипе. – И тебе не хотелось бы, будь ты поумнее.

Но Витторио не слушал его. Он снова наклонился к Лучано, который, улыбаясь, развел руками.

– Не могу, Витто, – с сожалением сказал он. – Не положено. Мне – рассказывать, а тебе – спрашивать.

– Эй, но мы же друзья! – пьяно возмутился Витторио. – Ты можешь мне как...кх...кх...

Он схватился за горло, закашлялся, торопливо хлебнул сангретты прямо из кувшина...

Фелипе дернулся, но Лучано посмотрел на него, и тот замер.

Витторио уже не кашлял, только беззвучно открывал рот, в точности, как пойманная рыба. Его глаза налились кровью от напряжения, щеки побагровели, но из горла не вылетало ни звука.

– Видишь ли, Витто, – ласково сказал Лучано, поймав дикий от смертельного ужаса взгляд Шипа. – Друзьями становятся немного иначе. А младшие мастера не рассказывают свои секреты каждому идиоту, которому захотелось наверх. А еще иногда полезнее молчать, чем говорить. В твоем случае – уж точно. Ты даже не представляешь, какой я сегодня добрый! Сам себе удивляюсь. Наверное, это от морских гадов. Но ты лучше не думай, что я буду таким добрым каждый раз, когда ты откроешь рот без позволения в моем присутствии. Или скажешь

кому-нибудь непотребное про меня и моего мастера. Вообще лучше забудь, что ты умеешь говорить. Пока не поумнеешь! – едва заметно повысил он голос.

Витторио захрипел, схватился за горло, но воздуха ему как раз хватало, несмотря на испуг. А вот голосовые связки отказали полностью, растворенное в амарилье зелье действовало безупречно.

Еще раз глянув на Лучано с безнадежным беспомощным ужасом, Витторио вскочил, сбил стул, споткнулся об него, едва не упав, но выпрямился и выбежал из комнаты. Через несколько мгновений в общем зале послышался голос Беппо, который желал «безмозглому сыну осла и портовой шлюхи сначала прозреть, а потом бегать по трактиру, полному почтенных синьоров...»

Фелипе, закрыв лицо ладонями, ржал с таким облегчением и удовольствием, что Лучано тоже хмыкнул, виновато развел руками и подтянул поближе сангретту.

– Надолго ты его? – отсмеявшись, сказал старый приятель.

– На месяц примерно, – усмехнулся Лучано. – Как раз успеет подумать, как ему повезло. Кстати, Пиппо, ты не думал сменить напарника? Этот уж совсем что-то...

– Безмозглый, – со вздохом согласился с трактирщиком Фелипе. – Но кто меня спрашивал?

– Я займусь, – уронил Лучано, и Фелипе благодарно склонил голову.

– Как здоровье мастера? – поинтересовался он почтительно. – И как у тебя дела?

– У мастера новая кошка, – улыбнулся Лучано, откидываясь на спинку стула и наконец-то начиная получать удовольствие от вечера. – Наглая такая, рыжая! Я вот все думаю, сколько он их заведет в конце концов? Дюжину? А со здоровьем у него как обычно...

– Благодарю, не дождетесь? – подсказал Фелипе, и они заржали уже вместе, впрочем, со всем уважением и любовью.

...Без Витторио и впрямь стало куда веселее. Сангретты хватило с лихвой, новую они заказывать не стали, зато еще отдали должное. Через пару часов благодушного трепки о городских новостях и делах в гильдии Лучано отодвинул опустевшую тарелку и с сожалением признал, что пора бы и честь знать. Мастер, конечно, ни слова не скажет, но все равно ведь проснется, услышав любые, пусть самые беззвучные шаги. А времени уже третий час ночи!

– Может, ко мне? – невинно предложил Фелипе. – Ну, чтобы мастера не будить.

– Извини, мне вставать рано, – помедлив пару мгновений, отозвался Лучано и понимающе улыбнулся на разочарованный вздох Фелипе.

– Эй, ну я же не мог не попытаться! – без всякой обиды рассмеялся тот. – Давай хоть провожу! А то обидит кто по дороге.

– Меня, такого красивого! – насмешливо подхватил Лучано. – А главное, маленького и беззащитного! Ладно, все равно до моста вместе идти.

Он с удовлетворением оглядел место пирушки и даже задумался, не завернуть ли, в самом деле, до утра к Фелипе.

Лет семь назад мастер решил, что ему следует узнать, как воспитывают других Шипов, и Лучано два года прожил в общих казармах. Самое отвратительное время в его жизни. Тренировки были не такими уж трудными, Ларци прекрасно его подготовил и телом, и душой, но Лучано отвык, чтобы с ним обращались, как с покорной бессловесной скотиной. Рядовым Шипам было запрещено иметь собственное имущество, выходить в город, встречаться с кем-то не из гильдии, пререкаться с наставниками, спать после рассвета, есть любую еду, кроме той, что выдают на кухне, разговаривать в казармах после отбоя...

Десятки запретов, порой жестоких и бессмысленных, направленных лишь на то, чтобы юные Шипы с вожделием мечтали об окончании учебы. Те, кто выжили, получают место в

гильдии и задания. А значит, будет почти свобода. Деньги, еда и выпивка, женщины и мужчины, любые развлечения... Они шептались об этом в темной затихшей казарме, несмотря на строгие наказания, а еще истово ненавидели Лучано, у которого все это уже было и снова будет, как только мастер заберет его обратно.

Он быстро понял, что нужно проверять еду и одежду. Осматривать оружие и все, с чем соприкасается. Да, у него была отличная школа, но не только мастер Ларци понимал в ядах, любой Шип знал о них кое-что. Лучано за эти два года узнал и о многом другом. О толченом стекле в перчатках и обуви. Об иглах и лезвиях в самых неожиданных местах. О том, что подушку, измазанную дерьмом, придется отстирывать самому, а в уборную следует ходить, обязательно задержавшись в боковом коридоре и проверив, кто пойдет за тобой.

Наставники вскоре объяснили ему, понимающе усмехнувшись, что убивать не обязательно. Любой Шип гораздо больше смерти боится быть искалеченным. Если не добьют, признав непригодным, то переведут на работу в службу, будешь до конца жизни работать на конюшне или кухне за миску похлебки.

Лучано понял и следующему, кого поймал на горячем, сломал руку. Простым переломом, который может залечить любой хороший целитель, а целители у гильдии отличные. Но предупредил, что ему надоело. И если синьорам угодно развлекаться, он тоже примет участие. И что игры играми, но если его убьют или покалечат, уверены ли синьоры, что переживут неудовольствие мастера Ларци?

Это все-таки были уже не мальчишки, а почти готовые Шипы, и они задумались. Гранд-мастера гильдии добротой и милосердием никогда не славились, да и кому понравится, если юные идиоты сломают то, над чем работаешь много лет? А Лучано Фортунато был самым долгим и любимым экспериментом Ларци – это знали все.

Его оставили в покое. Кое-кто даже начал искать его расположения в надежде на будущее. Лучано это позволял, но с большой разборчивостью и ничего не обещая взамен. Фелипе же был одним из немногих исключений. Случалось, он предупреждал о ловушках, ничего не прося взамен и не стараясь набиться в друзья. Правда, украдкой бросал горячие взгляды, и когда воздержание стало совсем неважно, Лучано выбрал Фелипе, минуя всех, кто добивался его внимания. В казармах, куда не допускались женщины, наставники молчаливо позволяли юнцам время от времени успокоить кипящую кровь друг с другом, лишь бы все было тихо и никаких постоянных парочек.

Когда Лучано вернулся к мастеру Ларци, а его бывших однокашников посвятили в Шипы, они снова встретились. Фелипе ничего не просил, о старых заслугах не намекал, а главное, был совершенно не завистлив – редкое и драгоценное качество! И с ним было легко и спокойно... Настолько легко, что Лучано, которому теперь хватало развлечений, все равно соглашался иногда провести ночь со старым приятелем. Признанные красавцы, которые нравятся всем, редко щедры в любви, а Фелипе каждый раз наизнанку выворачивался, чтобы Лучано было хорошо – как же не ценить такое? Но сегодня... сегодня почему-то не хотелось.

Как обычно уловив его настроение, Фелипе замолчал. Они вышли через общий зал на улицу, темную и по-весеннему прохладную, ветерок доносил аромат близкой реки и цветущих апельсинов. Улица вела к Мосту Поцелуев, отсюда их дороги должны были разойтись. И Лучано подумал, что все-таки прав, отказавшись пойти к Фелипе. Да и вообще стоит с этим завязывать. Лучше бедняге ни на что не надеяться. Влюбленные Шипы подолгу не живут – примета такая.

Они свернули на мост, прошли по нему, освещенному аж двумя магическими фонарями – немалая роскошь для обычных кварталов, пусть и приличных. Внизу нежно журчала Роме-ринья, и Лучано глянул с самой высокой точки моста на серебряную в лунном свете воду, ловящую блики фонарей. Завораживающая и почему-то печальная красота...

Ему не хотелось идти вперед. Он понял это, едва сделав следующий шаг. Отточенное чутье ныло про опасность. Но мост и улица за ним были пусты! Лучано покосился на Фелипе, у которого на поясе висел длинный нож, дозволенный ремесленнику, тронул рукоять своего.

– Что? – встрепенулся Фелипе, заметив.

– Нет, ничего, – пожал Лучано плечами.

Ладно, идти все равно придется. Если там засада, уйдут крышами или садами, квартал знаком обоим, как собственный карман.

Они дошли до конца моста, что скрывался в густой тени. Ступени словно сами стелились под ноги Лучано, обостренно ловящего все, что мог увидеть, услышать и почуять. Журчание и запах реки, колеблющиеся ночные тени, прохлада и вкус воздуха, запах вишни... Вишни?

Он сделал следующий шаг по совершенно пустым – да пустым же! – ступеням и едва не полетел вниз, обо что-то споткнувшись. Извернулся в воздухе, как кошка, мягко прыгнул, опустившись на ноги, выпрямился. Рядом и немного наверху ругнулся Фелипе, но не зло, а как-то растерянно. Опасности Шип явно не видел.

Лучано взгляделся в тень, что шевельнулась в углу ступеней, и чуть не рассмеялся. Он споткнулся о старую нищенку! Впрочем, разум тут же напомнил, что не все так просто, ему ли не знать, как опасны бывают бедные незащитные старушки. Примерно как юные развратные мальчишки и девицы, почтенные ремесленники, благочестивые жрецы... Безопасных людей вообще не бывает, синьоры!

– Прошу прощения, госпожа, – все-таки учтиво сказал он, взглядываясь в кучу лохмотьев, увенчанную головой, похожей на старую щетку с растрепанной паклей. – Я вас не сильно задел?

Он покопался в карманах, испытывая смесь брезгливости и жалости. Старость и бедность не виноваты в отталкивающем виде, каждого может ожидать подобное. Ну, кроме Шипов.

Денег нашлось не так чтобы много, единственная крупная монета осталась в траттории, но Лучано все-таки наскреб пару серебрушек по полскудо и три медяка. Протянул их нищенке и чуть не вздрогнул, когда из лохмотьев высунулась рука, больше похожая на птичью лапу.

– Добрый юный синьор, – сказала нищенка на удивление чистым и мелодичным голо-сом. – И какой щедрый... Отдает бедной Минри свои последние деньги.

– Ну, уж точно не последние, – улыбнулся Лучано, высыпая монетки в темную маленькую ладонь. – Купите себе что-нибудь, почтенная госпожа, и не поминайте лихом.

– Разве можно? – усмехнулась нищенка, судя по голосу. – Поминать лихом такого учти-вого юношу! Но раз ты мне заплатил, мальчик, давай погадаю. Я не попрошайка, даром денег не беру.

– Не соглашайся, – сердито зашептал подошедший Фелипе. – Посмотри, она то ли вен-дийка, то ли чинка, то ли вообще джунгарка... Ведьмовское племя! Еще накличет беду!

– На меня-то? – беззаботно усмехнулся Лучано. – Да брось!

Его вдруг снова охватило ощущение беззаботного пьяного веселья, совсем как недавно в траттории. И этот запах вишни... Откуда он все-таки? До спелой вишни еще далеко. Сладкий, теплый, ласковый...

Он протянул руку и вздрогнул, когда тонкий палец с острым коготком коснулся кожи. Хотел снасмешничать, что у старушки зрение куда лучше, чем у него, если может гадать в

такой тени, но тут луна выползла из-за облачка, и Лучано увидел, что его ладонь исчерчена слабыми светящимися линиями...

Он хотел отнять руку, но старуха держала неожиданно цепко. Какой-то необычный страх потихоньку вползал в душу Лучано, не имеющий, однако, ничего общего с его обычными предчувствиями, часто спасавшими жизнь.

– Какая интересная рука, – так же чисто и звонко, как у девчонки, прозвучал голос гадалки. – Двойная судьба – редкость. Жаль... Очень жаль.

– Кого жаль? – насторожился Лучано, а Фелипе за его плечом недоверчиво фыркнул и вполголоса напомнил:

– Да они всегда несчастья предсказывают. А потом денег просят, чтобы отвести.

– Помолчи, мальчик, – остро глянула на него гадалка. – А то тебе бесплатно предскажу что-нибудь. Не обрадуешься.

Суеверный Фелипе смолк, а Лучано с удивляющим его самого равнодушием посмотрел на ладонь в руках гадалки. Линии и правда будто... двоились.

– Смотри, – провела старуха коготком по самой длинной. – Вот судьба, что была написана тебе на роду. Богатый дом, любящие родители... А нет, матери не вижу. Но отец в тебе души не чает, ты его главная радость и гордость. Вижу книги, лютню, сад. Породистых лошадей и собак, шелка и бархат. Вижу золотую дворянскую цепь, только герб... его не разглядеть...

«Ну еще бы, – остатками здравого рассудка фыркнул про себя Лучано. – Герб – это уже точно, по нему можно узнать... Да глупости это, Фелипе прав!»

– Глупости, говоришь? – усмехнулась старуха. – Смотри дальше. Вижу тебя высоко, по правую руку от короля. Ты бы многого добился на службе ему! Вижу женщин и мужчин, которые тебя любят. И кое-кого из них любишь ты. Вижу твоих детей, тоже радость и гордость семьи. Ты и твой отец...

– Хватит! – яростно прошептал почему-то Лучано, и в глазах у него на миг потемнело от злости. – Лгунья...

– Но я же не сказала, что все это будет, – чистым строгим голосом возразила гадалка. – Твоя судьба свернула с этой колеи, мальчик. Немного чужой трусости и подлости – будто камешек, попавший под колесо. Ты должен был родиться и расти в знатном доме, а оказался в ящике для брошенных младенцев у дверей храма. И твоя судьба свернула на иную колею, чужую. А вот, смотри, тебе было десять лет – и опять крутой поворот. Теперь к лучшему. Ведь так ты думаешь, да?

Лучано задохнулся. Она не могла этого знать! Говорят, некоторые маги могут читать разум, но это великие умельцы, и даже им нужны заклинания, волшебные перстни и много чего еще! Не могла нищая гадалка... С такими умениями она бы жила во дворце, а не сидела на ступенях моста ночью, поджидая... Поджидая?

– Твоя судьба ведет к смерти, мальчик, – услышал он тихий голос, молодой и очень печальный, будто шепнувший ему прямо в уши. – О нет, не сегодня. Но скоро, очень скоро. Возьми свои деньги обратно, малыш. Они тебе пригодятся. У вас ведь верят, что нужно расчитаться с Перевозчиком? Ах нет, прости, с Провожатым... ну все равно, возьми.

И сухая старческая лапка сунула ему в ладонь холодную тяжесть серебра и меди, ничуть не согретую теплом чужого тела.

Лучано невольно сжал ладонь, и тут луна снова озарила их, на этот раз щедро, полным потоком. В лунном свете он увидел морщинистое лицо древней карги, но глаза у нее были полны лунного серебра, молодые, ясные и безумно красивые. И запах... снова вишня, а еще река, но не обычное веяние влажного сырого ветра от Ромерины, а что-то иное, ледяное и светлое, острое, как удар клинка. Оно вошло в его сердце, и Лучано задохнулся от неведомой ранее тоски.

Старуха откачнулась, будто собираясь встать, и Лучано рывком обернулся к Фелипе.

– Деньги есть? – бросил он отчаянно. – Давай!

– Сколько? – растерянно спросил Фелипе, шаря по кошельку.

– Все! – выдохнул Лучано. – Все, что есть!

Глупая, глупая надежда. И старая сказка, что он когда-то прочел в книге из библиотеки мастера, тоже очень старой. Даже не сказка, а легенда о той, что говорит правду, но берет за это все, что ей могут дать. Она знала, что Лучано отдал ей последние деньги! И гадать предложила после этого! Но если он дал мало...

Он сгреб монеты из руки Фелипе, опустился на колени перед нищенкой, словно перед королевой. Да что там – с королевой он вряд ли был бы так почтителен! И проговорил, дрожа, словно весенний ветерок обернулся пронизывающим ледяным вихрем:

– Прошу вас, госпожа, окажите милость. Подскажите, как мне вернуть свою судьбу? Ну, или хоть свернуть из этой... колеи!

Монетки высыпались на колени старухи, не протянувшей ему руки. Лучано не считал, сколько там, но Фелипе явно вытряхнул все.

– Умный мальчик, – ласково и снова очень грустно сказала гадалка. – Почти угадал. Я не твоя госпожа, милый. И не мне менять твою судьбу. Судьба... она не любит прежних дорог. И почти никогда не возвращается на них. Чтобы это случилось, мир должен вздрогнуть и пойти по иному пути. Ты ведь не думаешь, что твоя судьба из тех, что меняет мир, м?

Это было так похоже на его собственный голос, насмешливый и уверенный, даже словечки и тон точно такие же. Лучано словно заглянул в зеркало, и ему стало жутко. Вот теперь – действительно жутко, будто он стоит на краю Бездны, и в спину ему дует ураган, вот-вот скинет, а вокруг ничего, кроме тьмы, холода и ледяной тоски...

– Но что-то я могу сделать? – упрямо выдавил он, и гадалка кивнула.

– Ты можешь умереть, мальчик, – сказала она бесстрастно. – Но смерть бывает разной. Когда твоя найдет тебя, ты можешь выбрать и умереть либо очень счастливым, либо несчастным. Но это единственный выбор, который тебе позволен.

– Разница-то какая? – зло бросил Лучано, приходя в себя. – Если все равно умирать!

– А это решать только тебе, – усмехнулась старуха и поднялась.

Лучано все-таки ждал, что учует зловоние от лохмотьев и старого тела, но его снова окатило невозможно сладким и пьянящим ароматом вишни и ледяной воды. Показалось, он даже чувствует ее вкус! И он потянулся вперед, сам не понимая, к чему тянется...

Тревожно вскрикнул Фелипе, и Лучано очнулся. Ступени перед ним оказались пусты! Никакого следа старухи, которой просто некуда было деться!

– Ф-ф-фортунато... – заикаясь, проговорил Фелипе. – А... где... эта?

– Баргот побрал, – огрызнулся Лучано, потом потер лицо ладонями и пришел в себя. Виновато спросил: – Пиппо, сколько у тебя там было? Я верну.

– Да иди ты, – растерянно отмахнулся Фелипе, глядя на пустые ступеньки. – Знаешь, слышал я о ночных марах, но чтоб они деньги брали?! И... Фортунато! Она это всерьез? Про смерть?!

В его голосе послышался ужас, и Лучано мгновенно все понял. Сделав шаг, он взял друга, насколько один Шип может назвать так другого, за ворот рубахи, притянул Фелипе и холодно сказал:

– Молчи об этом. Если дойдет до мастера... Фелипе, я Претемной клянусь. Если мастер узнает, я с того света вернусь, чтобы глотку тебе перегрызть. Ясно?

– Да иди ты, – совсем не испуганно повторил Фелипе и вздохнул, глядя на него с каким-то новым и странным выражением лица. – Я никому. Фортунато! Надо же делать что-то!

– А что ты сделаешь? – тихо и зло спросил Лучано. – Или я. Да хоть и мастер! Пиппо, ты много знаешь наших, что дожили до тридцати хотя бы? Не из высшего Круга, а обычных Шипов?

– Ну... пару дюжин...

– А до сорока? – вкрадчиво уточнил Лучано, и Фелипе опустил голову. – Вот и молчи. Просто молчи. Нечего мастеру об этом знать. Не я первый, не я последний, все мы во власти Претемнейшей.

– Лучано... – позвал его Фелипе дрогнувшим голосом по имени, а не по прозвищу, как обычно. – Если я чем-то могу...

– Обязательно, – кивнул Лучано, точно зная, что лжет.

Если уходить в Сады Претемнейшей, то одному или с врагами, незачем звать туда друзей.

И старательно улыбнулся, словно надевая маску.

Фелипе все-таки довел его до дома, явно жалея, что не способен помочь ничем иным. Лучано зверски хотелось рывкнуть, отослав его подальше, но он сдержался, только кивнул на прощание, и Фелипе скрылся в ночных тенях, оставив его у двери в сад.

Войдя, Лучано не пошел дальше сразу, он свернул к первому же дереву и обнял его, прижавшись к шероховатой теплой коре, повиснув на стволе, словно пьяный или раненый. В голове мутилось, его снова начала бить дрожь. Умереть? Вот совсем скоро? И... не будет больше ничего?! Этого тихого сада, рук и голоса мастера Ларци, кошек, шамьета и лютни? Не будет посиделок с Фелипе? Чьих-то еще улыбок, смеха, красивых тел, которые он так любит? Не будет азарта погони, предвкушения очередной победы и удовольствия от того, что снова он сильнее, умнее, быстрее и коварнее! Ничего не будет?!

Он пьяно улыбнулся, стараясь не всхлипнуть. Ну что, разве он ждал чего-то иного? Шипы в самом деле редко доживают до старости. И уж точно не с его характером. Лучано Фортунато, признанный счастливчик... Любое везение когда-то заканчивается. Только бы мастер не узнал! Судьбу не обманешь, так зачем Ларци заранее знать, что их дни рядом сочтены? Лучано просто не вернется с очередного заказа, рано или поздно со всеми так бывает. Ларци... найдет нового ученика. Или заведет еще одного кота.

Оторвавшись от дерева, он заставил себя успокоиться, дыша медленно и в заученном ритме. Дождался, когда прекратится дрожь, а лицо и тело перестанут выдавать волнение. Не сложнее, чем на работе! И забыть, забыть об этом!

Из-под двери мастерской пробивался свет. Лучано еще раз прогнал по кругу несколько глубоких вдохов и выдохов, негромко стукнул.

– Входи, мальчик мой, – откликнулся мастер.

Он стоял у рабочего стола, разливая по стеклянным баночкам готовый крем, самый обычный, насколько мог судить Лучано. Значит, завтра нужно будет отнести заказ в лавку. Самый обычный заказ в самую обычную парфюмерную лавку. Очень дорогую, кстати. У мастера Ларци прекрасная репутация! А еще пополнить запасы свежей печенки и продуктов. И кое-какие свои дела завершить.

– У тебя неладно на сердце, мальчик, – мягко сказал Ларци, когда Лучано по неизменному обычаю встал на колени и поцеловал ему руку. – Что-то случилось? Ты ведь ходил к друзьям.

– Почти к друзьям, – скованно улыбнулся Лучано, пряча большую тревогу за малой, как сам Ларци его когда-то и научил. – У Фелипе новый напарник...

Ларци выслушал его внимательно, как и всегда. Тонко усмехнулся при рассказе о зелье, временно лишаящем голоса. Впрочем, вполне одобрительно.

– И что тебя тревожит? – уточнил он, рассеянно глядя прыгнувшего на колени Аконита, что до этого спал в корзине под столом. – Ты поступил верно.

– Я не хочу, чтобы Витторио работал с Фелипе. Он может решить, что это Фелипе его сдал мне. Попробует отомстить. А Фелипе – хороший правильный Шип. Еще лет пять, и его можно ставить старшим над дюжиной. Или даже звать в младшие мастера.

– Дело только в этом?

Мастер приподнял бровь.

– Да, – кивнул Лучано, поглубже заталкивая острый стыд за обман. – Только в этом. Фелипе мне нравится, – отмерил он еще одну дозу правды, как действенный, но опасный ингредиент в зелье. – Он умен, верен и может быть полезным. Жаль, если его погубит глупец-напарник.

– Жаль, – кивнул мастер, все так же глядя кота. – Верные люди тебе пригодятся. Хорошо. Витторио переведут. И примерно накажут с учетом того, что уже сделал ты. Наглость не следует спускать. А у меня для тебя новость, мальчик мой.

Он улыбнулся, и у Лучано тревога кольнула сердце ледяной иглой. Он принялся собирать баночки с кремом в особую коробку, но так, чтобы мастер видел его внимание и чуточку нетерпения. Немного помедлив, Ларци снова одобрительно кивнул.

– Ты едешь в Дорвенант, – сказал он с теплой гордостью, которой в другой момент Лучано обрадовался бы, как милости самой Претемнейшей. – Именно ты. Самый молодой из младших мастеров. И когда ты справишься со всеми поручениями ее величества Беатрис, уже никто не сможет сказать, что я неправильно выбрал ученика и слишком много ему позволяю.

– Ее величество Беатрис... – протянул Лучано, старательно блестя глазами и заставляя уголки губ дрогнуть якобы в сдержанной улыбке. – Она ведь итлийка, верно? Это... должна быть интересная работа. Как мне благодарить вас, мастер?

Он оставил флаконы и снова почтительно опустил на колени, целуя сухую жилистую руку, пахнущую душистыми маслами. И радуясь, что может хоть ненадолго спрятать взгляд от человека, который знает его лучше всех на свете. Пожалуй, еще и глазами изобразить сейчас восторг не получится.

– Возвращайся с победой, мальчик мой, – сказал Ларци. – Как обычно.

И погладил его по голове свободной рукой.

Глава 7. Выбор Айлин

С первого взгляда на мэтра Бастельеро Айлин поняла, что их ожидает непростая лекция. Мэтр даже в мирное время и в хорошем расположении духа иногда устраивал особому курсу каверзные уроки, а сегодня... Сегодня на его осунувшемся лице было просто-таки написано отвращение ко всему миру, под глазами залегли тени, и даже кружевной воротник рубашки казался каким-то... несвежим.

Тяжелая ночь, наверное? Интересно, почему? Глупо даже предполагать, что он переживает отказ Айлин. Ведь глупо же, да?

Но она поймала себя на тихом и недостойном, но таком ядовито приятном желании, чтобы он хоть немного помучился. Не только ей одной нужно стыдиться того, что произошло! Поймала – и тут же устыдилась. Нет-нет, она не будет желать мэтру Бастельеро ничего плохого! Потому что сама виновата. Наивная дурочка, с чего она решила, что нужна ему?! А теперь между ними все кончено. И нечего вспоминать глупые девичьи мечты, такие же легковесные и недолговечные, как лепестки вишен, облетевшие после бала... Да и вообще, какая может быть любовь, когда королевство в опасности?!

– Приветствую, господа адепты, – буркнул мэтр, еще раз осмотрел почтительно замерших Воронов и еле заметно поморщился. – С сегодняшнего дня занятия лично для вас отменены. Вместо лекций у вас начинается выездная практика в провинции... Эддерли, советую не кривиться, а слушать, поскольку дело вам предстоит крайне серьезное и очень опасное. Это настолько важное поручение, что я не могу доверить его никому другому. Вы отправитесь в родовое поместье Вальдеронов, – продолжил он так ровно, что Айлин даже не сразу осознала смысл его слов. – Пользоваться порталами запрещено, надеюсь, все это понимают?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.